

Матвеевна ТРОНИНА

Моя дорогая

РАЗВЕ БРАК —
ЭТО ГЛАВНОЕ?

ВАЖНО БЫТЬ
СЧАСТЛИВОЙ!

Нити любви

Татьяна Тренина

Моя дорогая

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тренина Т. М.

Моя дорогая / Т. М. Тренина — «Эксмо», 2019 — (Нити любви)

ISBN 978-5-04-101089-8

Две подруги-компаньонки абсолютно по-разному относятся к жизни. Надежда всегда прислушивается к голосу сердца, у Ольги же все подчинено строгому расчету. По иронии судьбы они влюбляются в одного мужчину. Кого из них выберет Филипп? И что победит: открытость миру или холодный прагматизм?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101089-8

© Тренина Т. М., 2019
© Эксмо, 2019

Татьяна Михайловна Тренина

Моя дорогая

© Тренина Т., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

– Вот, полюбуйтесь, – сказала Надя. – Кажется, с длиной брюк я угадала? И рукава у блузки – в самый раз?

– Девочки, я извиняюсь, но любопытство сильнее меня... А вы кто друг другу? Сестры? – словно не услышав Надю, спросила клиентка с редким именем Катрина, оглядывая себя в зеркале. И тут же торопливо добавила, встретившись взглядом с Надей в отражении: – Если сестры, то совсем не похожи!

Надя улыбнулась, метнула, в свою очередь, невольный взгляд на Ольгу. А вот та чуть нахмурилась. Что и следовало ожидать. Ольгу всегда задевали подобные вопросы, Надя же к ним относилась спокойно. Открытость клиента – высшая степень доверия. Да, это бесцеремонность, но бесцеремонность не самый страшный грех. Отчего не ответить, не открыться самим?.. Тем более что и секрета-то никакого нет.

– Мы не сестры. И не любовницы. И даже не подруги, – охотно отозвалась Надя. – Мы с Олей – компаньонки.

– Да-а? – воскликнула Катрина, но взгляд ее заметно поскучнел. – Как это? Если, конечно, вас не затруднит объяснить...

– Нисколько. У нас с Надей свой маленький, но коллектив. Фабрика, пусть и в обычной квартире. Мы с Надеждой – партнеры по бизнесу, – сдержанно пояснила Ольга. – Она шьет одежду, я работаю в основном с кожей. Какую-нибудь классическую модель сумки принести? Продукт уже моего труда, так сказать...

Катрина задумалась, глядя на свое отражение в зеркале. Клиентка обладала весьма нестандартными формами: узкие плечи, широкие бедра, большая грудь и в довершение – явно прорисованная талия. Ко всему прочему еще и невысокий рост. К такой фигуре трудно подобрать одежду: либо сверху широко, либо снизу, о талии производитель обычно забывает, а если и вспомнит, то она из-за роста сползает на бедра. Брюки и юбки обязательно приходится подшивать...

Словом, Катрина, намучавшись с магазинами готовой одежды, решила обратиться к услугам портних. Опыт с индпошивом у нее имелся, но негативный. Она еще на первой примерке сообщила Наде, сколько раз потерпела фиаско, делая заказы в ателье. То затянули с пошивом чуть ли не на месяцы, то испортили ткань, то не стали прислушиваться к ее пожеланиям...

– Как же мне нравится! Мне все нравится! – не ответив Ольге, с восторгом произнесла Катрина, поворачиваясь перед зеркалом. – Это и просто, и... идеально.

– Черные брюки и светлая блуза – классика, – любуясь своей работой, согласилась Надя. – Главное, не белая, а именно светлая ткань с каким-либо оттенком: серым, бежевым, розоватым... Экрю, молочный, слоновая кость... Чисто-белый редко кому подходит.

– Да, да. И не надо никаких рюшечек, завязочек, манжет невероятных. Ничего лишнего! – кивнула Катрина. – Это для молодежи хорошо, а в моем возрасте...

– Ну какой ваш возраст! – вспыхнула Ольга. – Сейчас возрастные рамки сдвинулись, рано себя в пожилые записывать.

– Я понимаю, но... мне сорок два, – кокетливо вздохнула Катрина. – А сорок два – это не двадцать два. Да, Оленька, принесите мне сумку, но не кожаную, а... как вы ее называли? Экосумка?

– Да. Очень недорого, кстати, – Ольга вышла из комнаты, вернулась через минуту, с ворохом сумок на локте. – Пакеты из полиэтилена сильно загрязняют планету. Века лежат в земле, не разлагаясь. А это сейчас новый тренд, вот такие сумки для покупок, вроде тех авосек, что были у наших бабушек раньше... Ткань я покупаю оптом – полиэстр, плотный хлопок, джинса, вельвет. Сумки легко стираются, занимают мало места в сложенном состоянии, прочные. Шьются без всяких изысков и быстро. Очень недорого. Тут – самые простые, здесь – уже с узорами...

– Чудесно, чудесно! Вот эту, из джинсовой ткани, возьму. Она подо все, мне кажется, – обрадовалась Катрина.

– Может быть, все-таки кожаные сумки посмотрите? – предложила Ольга. – Они, конечно, подороже того, что вы сейчас выбрали, но, я вас уверяю, все равно дешевле, чем в фирменных магазинах. И потом вторую такую вы вряд ли где встретите.

– Нет, спасибо, я и так уже поиздержалась, – отказалась Катрина, вертя в руках сумку из светло-голубой джинсовой ткани.

– Ну как знаете, – сдержанно произнесла Ольга. Но Надя заметила, что Ольга опять чуть помрачнела. Конечно, Ольге выгоднее продавать кожаные сумки, чем эти, тряпичные. – Может быть, желаете кошелек, ключницу авторской работы?

– Нет-нет, благодарю.

– Подарок мужчине – бумажник? – настаивала Ольга.

– Вот, кстати, про мужчин, – спохватилась Катрина, обернулась к Наде, которая теперь стояла в стороне молча. – У меня есть кузен. То есть двоюродный брат, зовут Филиппом. Он помладше меня, ему тридцать восемь, но, девочки, это же просто кошмар! Я понимаю, он работает на «Скорой», это тяжело и выматывает, но он же просто... Даже не знаю, кто он. Одевается непонятно во что, в магазин его не затащишь.

– Типичная проблема, – засмеялась Надя. – У него есть супруга или девушка? Обычно жены проявляют инициативу и водят своих благоверных по магазинам.

– Да нет у него никого, один как перст, и потому одичал совсем... – охотно болтала Катрина. – В магазинах он теряется. Хотя я его прекрасно понимаю: заходишь в большой торговый центр, а там – гигантские площади, множество разных брендов, поди разберись... Он себе обычно одежду в Интернете заказывает, что-то такое спортивное, с чем трудно ошибиться, или джинсы – одну и ту же модель, годами. Но в общество с ним не выйти. Вот скоро у моей доченьки выпускной, соберемся всей семьей в ресторане, а в чем наш дядя Филя придет? Опять что-то невообразимое на себя напялит... Джинсы да майку-алкоголичку, с него станется!

– Я не поняла, так под каким соусом вы своего братца нам предлагаете: как клиента или как жениха? – весело спросила Надя.

– Надежда! – возмутилась Ольга.

– В основном как клиента, но ничего не имею против того, чтобы Филипп нашел здесь себе пару, – тоже развеселилась Катрина. – Ой, вы знаете, девочки, я теперь себя совсем другим человеком чувствую! Так всегда, если одежда к лицу, и в ней удобно, и нет этой неуверенности, когда купила что-либо, а потом на улицу боишься выйти, потому что не знаешь, как окружающие отреагируют. А так я чувствую себя – собой!

– Я очень рада, – вздохнула с облегчением Надя. – Только знаете, я мужских костюмов не шью. То есть я могу, но это не мое. Запороть не заporю, но сил потрачу слишком много. Есть портные, которым это в удовольствие, вот они пусть это и делают. Я чаще берусь за что-нибудь простое и легкое в изготовлении. Делаю быстро и недорого, на том и держусь.

– Костюмов не шьете?... – задумалась Катрина. – Жаль. Но погодите, Филипп на костюм и сам не согласится, скажет, что бесполезная вещь, на один выход... Ему бы брюки обычные и самую простую рубашку.

– Это я могу, – кивнула Надя. – А Оля ему какую-нибудь сумку предложит, чтобы и в пир и в мир. Да, Оля?

Ольга тоже коротко кивнула, тряхнув длинной косой челкой, напоминающей крыло птицы. Высокая, тонкая, в ситцевом пестром сарафане, купленном в торговом центре на распродаже, поскольку они заранее с Надей договорились не «осчастливливать» друг друга своими умениями, чтобы уж ни в чем, ни в одной мелочи не зависеть друг от друга, не быть обязанными и не иметь повода для упрека из серии «Вынуждена носить, ибо сделано руками подруги, а я не хочу ее обидеть», – Ольга и вправду была похожа на какую-то экзотическую птицу. А иссиня-черные волосы, сзади коротко стриженные, открывающие шею, а спереди спускающиеся до подбородка, своим ярким блеском и четким, жестким рисунком прядей напоминали оперение.

Надя, сколько себя помнила и, соответственно, сколько знала свою приятельницу (все же, если всерьез, не для представления перед клиентами, они были в первую очередь именно приятельницами, подругами), немного побаивалась ее. Она, Надя, отчасти разгильдяйка, отчасти болтушка, легкомысленная и порой поверхностная (сама за собой эту особенность знала – избегала всего серьезного), являлась в их отношениях вedomой. А ведущей всегда была Ольга.

Они учились в одной школе, в одном классе, но близкими подругами их никто не называл, у каждой – своя компания. Привет, пока да и только. Потом, после окончания школы, случайно столкнулись в стенах того вуза, в котором, оказывается, они обе теперь учились, только на разных факультетах. Выяснилось, что обеих увлекали дизайн и шитье. Правда, Надю интересовало изготовление одежды, а Ольгу – работа с кожей.

И так получалось, что Ольга всегда знала больше, выглядела серьезней. Но Надя при всем ее легкомыслии слыла человеком надежным и не злым, и тем она очень импонировала приятельнице.

Опять же, их отношения мало напоминали обычную девичью дружбу: изредка перезванивались, вели переписку в сети, обсуждая в основном технологические вопросы, а никак не свою личную жизнь, и в том заключалась своя прелесть. Они не лезли друг другу в душу, не нарушали границ, не проводили долгих вечеров за пустой болтовней, под бутылочку красненького.

Наверное, именно поэтому Ольга и Надя решили работать вместе, вдвоем, не завися ни от какого начальства и в то же время не боясь, что одна из компаньенок подведет другую. Правда, объединились они не сразу после окончания вуза. На несколько лет девушки расстались, а потом вновь возобновили общение. Вот тогда и придумали эту идею – стать компаньонками.

Поселившись вместе в двухкомнатной съемной квартире, они вместе вели расходы и платили налоги. Поначалу думали открыть ООО (общество с ограниченной ответственностью), потом решили, что быть ИП (индивидуальным предпринимателем) более удобно и менее тревожно: никто друг друга не подсидит. У каждой была собственная квартира, но и Ольга, и Надя сдавали их, доходы от сдачи шли в равной мере на оплату общего съемного жилья. Да, конечно, можно было обосноваться в квартире одной из девушек, но какое тогда равенство, какое партнерство?

Вдвоем выживать оказалось проще. И спокойнее, чувствуя рядом плечо надежной компаньонки и давней, проверенной приятельницы.

Что касается личной жизни, то ситуация на данный момент являлась таковой: у Нади в прошлом короткий неудачный брак, затем развод и долгое, неприятное послевкусие от этих отношений, поскольку бывший супруг, Никита, долго терроризировал ее своими визитами и жалобами. Физической угрозы от него не исходило, но вытрясти душу, морально dokonать

человека он умел превосходно. Положение спасло лишь то, что Надя съехала со своей квартиры и Никита потерял из виду свою бывшую супругу.

Что касается Ольги, то она уже семь лет находилась в спокойных и доброжелательных отношениях с женатым мужчиной. Обоих все устраивало – и Ольгу, и ее любовника, мужчину в возрасте. Со стороны, во всяком случае, Ольга определенно выглядела уверенной и довольной, изредка упоминая в разговоре с подругой о Георгии, своем тайном возлюбленном. Но Надя, примеряя эту ситуацию на себя, думала, что уж она-то точно не чувствовала бы себя счастливой, деля своего мужчину с другой женщиной. Конечно, в данный момент между Ольгой и Георгием ни недопонимания, ни взаимного недовольства не наблюдалось, но что потом? Ольга потратит свои лучшие годы на эти безнадежные отношения и в результате останется ни с чем. Так про себя рассуждала Надя.

Но читать проповеди вслух, специально лезть в личную жизнь подруги и компаньонки Надя не собиралась. Впрочем, сейчас, с предложением Катрины, Ольге выпадает возможность встретиться со свободным мужчиной... Отчего нет? Почему Ольга так сопротивляется и хмурится? Почему ей так важно показать всему миру: «Мне ничего не надо»?..

Ольга молчала, и тогда Надя была вынуждена любезно произнести:

– В общем, Катрина, приводите своего брата. Устроить личную жизнь мы ему не поможем, за этим лучше к свахе, а вот приодеться немного – запросто!

Когда она сказала это, то Ольга, кажется, вздохнула облегченно. А клиентка, Катрина, видимо, поняв, что Ольга и Надя настроены серьезно, им не до сватовства, в свою очередь, расслабилась и принялась откровенничать о брате. Так часто случается, с кем еще поговорить о личном, как не с портнихой (или с парикмахершей, маникюршей)?

– Филипп же мне как свой, единокровный брат. Наши с ним матери – родные сестры, только мама Филиппа умерла рано, и он у нас в семье рос, со мной. Хороший паренек, умница, добрый, не хулиган в школе был. Всегда хотел стать врачом. А отец Фили, Петр Васильевич, – тот еще тип, – нахмурилась Катрина. – Красавец и бабник. Думаю, это он своими похождениями загнал жену, мою тетю, в могилу... О сыне не вспоминал, денег на него почти не давал, какие-то смешные копейки... Мои родители племянника сами поднимали, на свои кровные. От Петра помощи никакой. А сам Петр, едва только жену похоронил (маму Фили), второй раз женился. На очень богатой женщине. Которая к тому же на десять лет его старше.

– Может, это любовь была? – рассеянно заметила Ольга.

– Я вас умоляю! – с сердцем воскликнула Катрина. – Петр сроду не работал, всегда сидел на чьей-то шее, его хобби – фотография – не в счет. Сначала из своего отца деньги выкачивал, тот умер, потом перебрался на шею к первой жене, та тоже умерла. Нашел вот эту Марину, Марину Яковлевну вернее. Старую и страшную. Она всегда такой была, даже в молодости, – старой и страшной, это особый женский тип. Молчит и смотрит, глаза голодные и злые у нее... Я так понимаю, она всегда хотела любви и страстей, а мужчины ее мимо обходили. Так что Петра она себе купила. Он-то думал, облапошил богатую дурочку, а не-ет, – охотно вещала Катрина, – Петр наш попался. Марина Яковлевна держала его то на коротком, то на длинном поводке, не убежишь. Денег давала, машину купила, по заграницам возила, а на сторону – ни-ни, иначе кран закроют. Так и жили. У Марины Яковлевны большие капиталы имелись от ее отца покойного... На проценты шиковала. Две квартиры, одна – огромная в центре, другая – скромная двушечка на окраине, и еще шикарная дача на берегу известного водохранилища. Кто знает про те места, тот понимает: не хуже Рублевки. Сама дача – миллионов десять-пятнадцать, если по нынешним деньгам.

– Это еще немного, – снисходительно улыбнулась Ольга.

– Ага, немного!.. – с азартом возразила Катрина. – Человек со средним достатком на такое заработать не сможет, только через долговую кабалу... А, забыла: у Марины Яковлевны еще антиквариата было много, всякие старинные штучки-дрючки, колье да алмазные перстни...

– Антиквариат – это серьезное вложение, – прилежно согласилась Надя лишь для того, чтобы поддержать беседу. Выговорившийся клиент – счастливый клиент. Огляделась, нашла свое простенькое колечко из обычного ювелирного магазина, лежавшее на гладильной доске, надела его на палец. Она постоянно забывала о нем, снимала во время работы (кольцо было ей чуть велико, мешало, то и дело норовя свалиться с пальца), потом искала... Но всегда находила.

– Ну вот, попался наш Петя как кур в ощи́п к голодной до любви богачке. Хотя, конечно, я про длинный поводок не зря: иногда Марина Яковлевна чуть отпускала хватку, знала, что порой надо и подышать давать мужу, иначе совсем сбежит.

– Не понимаю подобных женщин, – брезгливо заметила Ольга. – Зачем так унижаться?..

– Я тоже не понимаю, если честно. Но, видно, другого выбора у нее не было.

– А дети? У них дети родились? – уже с любопытством спросила Надя, вертя кольцо на пальце.

– Нет. Я так думаю, Марина особым здоровьем не отличалась, да и Петр – хитрый жук, не хотел себя лишними путами связывать. Он к детям всегда был равнодушен, вон о Филе и не вспоминал даже, – вздохнула Катрина. – У покойного отца Марины много друзей известных имелось, иногда вспоминали о ней, приходили. Адвокат вот этот, слышали? Габричевский! Однажды Марина с Петром поехали на дачу, и Габричевский к ним с визитом появился. Приглядывал за Мариной в память о друге, ее отце, время от времени. Посмотрел адвокат на Петра, поспрашивал, как да что, и очень удивился, что Марина своего пасынка к себе на дачу не приглашает, дескать, нехорошо и с ее стороны, и со стороны ее молодого мужа о безвинном ребенке забывать. И так это он сказал, адвокат тот, Габричевский, и словно между прочим, и вместе с тем с укоризной, что Марина вдруг застыдилась. И в первый раз пригласила Филю к себе на дачу.

Надя уже слушала Катрину, не отрываясь, забыв обо всем. Она любила подобные драматические истории, в отличие от Ольги, та слушала клиентку с равнодушной любезностью.

– А вас приглашали? – спросила Надя.

– Меня? Что вы? Я для них никто! – засмеялась Катрина.

Она принялась подробно описывать дачу Марины Яковлевны: само строение, напоминающее замок, то место, где оно стояло, окружающий пейзаж...

– Это мне все Филя потом рассказал. В подробностях, сама-то я там не была. Я уже в институте училась, на пятый курс перед тем перешла, о дипломе думала, а братцу тогда лет семнадцать или восемнадцать исполнилось, как раз первое лето после школы. И вот что интересно. Поселок тот элитный, но в нем еще много «старых» жильцов было, из обычных людей. Так вот, напротив особняка Марины Яковлевны стоял простой домишко, там жила одна дама с дочкой. Дочке – чуть больше двадцати. Двадцать два, что ли, года? Я к чему о возрасте все упоминаю – это важно. Филе – семнадцать, той девице по соседству, Лорой ее звали, – двадцать два, Петру Васильевичу – сорок, Марине Яковлевне – пятьдесят. Чувствуете расстановку, этот разброс? Полное непопадание, по всем фронтам.

– Ну почему же? Нормальный разброс, не может же все тютелька в тютельку совпасть, – пожала плечами Ольга.

– Не-ет, такие вот мелочи иногда буквально убивают. Короче, Филя влюбился в Лору, как сумасшедший, как мальчишка... А он, собственно, и был мальчишкой в ту пору. Его первая любовь, крышу снесло! А Лора – хоть и молоденькая девица, но в этот период разница между ними – очень существенная. Ну что ей, двадцатидвухлетней уже, вчерашний школьник! Она играла с Филей, будто с котенком: то подпустит, то оттолкнет. Там, на даче, вокруг нее целый хоровод ухажеров кружился, из местной публики. Но кто бедноват, кто семьей обременен, кто ее своей спутницей жизни не мог представить, потому что, наоборот, с капиталами и только интрижку на лето готов завести... Богатые – они ведь тоже ровню хотят возле себя видеть.

Короче, мужиков вокруг Лоры много вилось, целая свита, но ни одного подходящего. А времена те, если помните, двадцать лет назад – не самые сытые.

– Да, это точно, – согласилась Надя, уже забыв смотреть на Ольгу. Она теперь полностью сосредоточилась на рассказе Катрины.

– Однажды Филя пригласил Лору к себе в гости, там ее Петр Васильевич впервые увидел, ну и мачеха Филя, Марина Яковлевна... Петр по привычке все свои чары включил: молодая девушка, красивая и дерзкая... И она, Лора, его тоже оценила: сорокалетний красавец, есть и сила, и опыт. Марина буквально вся ядом изошла. Возможно, ничем бы эта история и не закончилась, если бы Марина Яковлевна не стала Лору за глаза высмеивать. После ее слов Петру Васильевичу захотелось свою состоятельность доказать, что он еще мужчина, что он не раб своей жене. А может, и влюбился всерьез, кто теперь разберет, – Катрина вздохнула, махнула рукой.

– Он бросил жену, ушел к Лоре? – спросила Надя.

– Хуже. Все хуже... Грустная история, в которой никто счастливым не стал, – пробормотала Катрина. – Марина умерла, Лора та, аферистка – не пойми где сейчас, а Петр Васильевич наследство от покойной жены профукал бездарно... Поначалу он в Америку уехал, но долго там не продержался. Никто не хотел с ним нянчиться, несмотря на всю его неземную красоту. Не нашел спонсорш на чужой земле. Помыкался он там да и вернулся сюда. Жил тут случайными заработками, больше на пожертвования (добрых-то дураков много!), ну а потом благополучно пересел на шею своему сыну.

– Это как? – осторожно спросила Ольга.

– Ну как, Петр Васильевич не так давно подал в суд, выбил из Филиппа алименты на себя, – морщась, с неохотой призналась Катрина. Она определенно замкнулась, говорила уже с трудом. – И ведь платит, дурак, Филька мой, платит, и к отцу ездит, продукты привозит старому ироду... Ну папаша, конечно, не совсем старик, что по нашим временам шестьдесят лет?... Но все равно Петр – паразит. И чего Филипп его терпит?

– Мазохизм, – коротко обозначила Ольга поведение Филиппа.

– Наверное, – согласилась Катрина. – Думаю, братик и Лору до сих пор забыть не может. Душевная травма. Лора с моим мальчиком жестоко обошлась. Пусть и Петру Васильевичу тоже досталось, но... Ладно, девочки, побегу я, чего-то разболталась вдруг. Спасибо еще раз. Так что ждите Филиппа, если, конечно, смогу его уговорить на визит к вам.

Попрощавшись с девушками, клиентка ушла. Надя принялась подметать пол, там валялось много ниток, обрезков ткани, а Ольга села на подоконник, вытянула ноги.

– Знаешь, что я не люблю в нашей работе? – тихо спросила Ольга, глядя в окно.

– Что?

– Что приходится быть мусорным ведром – для чужих эмоций. Люди даже не догадываются, что их откровения другим неприятны.

– А ты не принимай ничего близко к сердцу, – посоветовала Надя. – Я в одно ухо впускаю – в другое выпускаю. Болтовня клиентов – это как по телевизору фоном сериал. Впрочем, иногда бывает интересно послушать...

– Я так не могу, я все через сердце каждый раз, – возразила Ольга. – И потом, что за дурацкая привычка лезть людям в душу? Ну вот какая этой тетке разница, кто мы с тобой друг другу? Какое ее дело? – Надя пожала плечами. – И ведь всегда какую-нибудь липкую мыслишку в голове держат, всегда что-то додумывают, кто мы с тобой друг другу да что... Фу! Слушай, пойдем прогуляемся, вон какой день солнечный сегодня! – с мрачным энтузиазмом воскликнула Ольга.

– Пойдем, – согласилась Надя.

Они выбрались из дома через полчаса, когда улицы заполнили люди – начало седьмого, рабочий день только что закончился.

– Представь, вот и мы бы так сейчас куда-то спешили! – заметила Надя.

– Ехали бы к себе, может, с другого конца города! – подхватила Ольга. – А работали бы в ателье, под начальством какой-нибудь вздорной фифы, которой спонсор дал денег на свой бизнес, чтобы не заскучала...

– Или бы сидели в офисе с девяти до шести. В отделе легкой, ле-егонькой такой промышленности! – вспомнив старый фильм, засмеялась Надя.

Они свернули в тихий переулок, подальше от толпы. Здесь прохожих почти не было. В вечернем оранжевом свете вился тополиный пух, щекотал открытые плечи, щеки, нос.

Ольга чихнула, поморщилась:

– Гадость какая!.. Когда же эти дурацкие тополя окончательно вырубят?

– А мне не мешает, – заметила Надя. – В это время, сколько себя помню, в городе всегда пух летит. Пусть вечно будет лето, так грустно, когда оно, такое короткое, заканчивается.

– Надоест, – коротко заметила Ольга. – И вообще, я зиму люблю, что ж, мне с твоим вечным летом мучиться придется?

Надя хотела пошутить в ответ, но заметила, что лицо приятельницы вдруг изменилось. Ольга нахмурилась, потом с яростной тоской произнесла:

– О нет.

– Что? Что?.. – Надя повернула голову в том же направлении и увидела своего бывшего мужа, Никиту. Он бодрым, решительным шагом следовал навстречу, победная улыбка сияла на его круглом лице, и отраженным золотым светом блистала его бритая голова. Невысокий, рыхловатый Никита, тем не менее, считал себя brutальным красавцем, его идеалом являлся Вин Дизель (в лучшие годы актера). В минуты особого подъема он флиртовал со всеми девушками подряд, окружающих мужчин (своих потенциальных соперников) ненавидел и мог затеять скандал с любым, кто смел ему противоречить. Впрочем, и на женщин склонность Никиты тоже распространялась, если те отказывались видеть в нем рокового мачо. Словом, Никита с энтузиазмом супермена был готов воевать с целым миром.

Но порой, а именно в лирические моменты, Никита резко менял свое поведение и превращался тогда в плюшевого мишку, обаятельного и ласкового. Он рычал, урчал, ходил по пятам за Надей, обижался на каждую ее интонацию, в которой не сквозило восхищение, и требовал к себе полного, абсолютного внимания. «Я твой ласковый и нежный зверь!» – заявлял он, полностью поглощая пространство вокруг Нади и ее время. Его обожание тогда казалось Наде черной дырой, которая высасывала из нее все силы.

Собственно, она полюбила Никиту именно за то, за что потом и разлюбила: за его энергию и нежность. И того и другого оказалось слишком много.

Муж требовал полного подчинения, абсолютной сосредоточенности на себе, он ревновал Надю ко всему и ко всем: к мужчинам, женщинам, работе, клиентам, тканям, ниткам и иголкам, к фильмам и книгам, к временам года и даже к ней самой (когда Никите мерещилось, что Надя любит себя больше, чем его).

Поначалу Никита казался Наде идеалом мужчины – такой сильный, принципиальный, открытый, забавный, милый... И лишь потом она поняла, что когда этих качеств в избытке, то уже невозможно дышать свободно рядом с таким человеком.

Она часто слышала истории, в которых муж агрессивен, пьет, бьет и денег своей бедной спутнице не дает, сидит на ее шее; истории, в которых муж не обращает внимания на жену, равнодушен и скуп на эмоции... И не подозревала о том, что в океане эмоций, оказывается, можно утонуть, а от избытка внимания – сойти с ума.

В первое время, живя рядом с Никитой, Надя чувствовала себя виноватой. Кажется, она уделяет мужу мало внимания? Недостаточно нежна и чутка к нему? Неспособна проговорить со своим мужем весь вечер и затем еще полночи? Ведь это так здорово, когда супруги много и долго разговаривают о чем-то, бурно обсуждают какие-то проблемы!

Никита постепенно подчинил себе Надю, завладел ее волей и всем ее временем. Он находился у жены под кожей, он поселился у нее в мозгу. А Надина ревность! Да, Надя, со своей стороны, тоже отличалась довольно-таки сложным характером. Конечно, она удерживала себя от желания устроить публичный скандал, но и молча наблюдать за тем, как ее благоверный с кем-то из окружающих женского пола умильно кокетничает, позволяя себе поцелуйчики, поглаживания и объятия, тоже долго не могла...

Словом, в какой-то момент Надя не выдержала, взорвалась от этой гремучей смеси мачизма и мимими, что гнездилась в Никите, – и сбежала. Разумеется, она тем самым ранила его в самое сердце, и тот решил выяснить все начистоту. Почему Надя бросила его? Что именно ее сподвигло на столь ужасный поступок?.. Но разве за один или за два раза все выяснишь, все поймешь? Заглянешь во все закоулки мозга? Коснешься всех душевных струн неблагодарной супруги?

Никита принялся методично преследовать бывшую жену: почему, да зачем, да как ты могла?.. Положение спасло то, что в один прекрасный день Надя исчезла (именно тогда они с Ольгой сняли общую квартиру). Надя, наконец, вздохнула свободно. Еще никогда она не чувствовала себя столь счастливой: никто не лез ей под кожу, не пытал ее мелочными расспросами, не требовал абсолютного внимания и ей не надо было до состояния взвеси растворяться в другом человеке.

Казалось, жизнь наладилась.

Но нет. Никита каким-то образом узнал, где теперь можно найти свою бывшую женушку...

– Надя! – с трагической укоризной воскликнул Никита, приблизившись к приятельницам.

– Чего тебе? – деревянным голосом отозвалась Надя.

– У тебя есть сердце?

– Нет.

– Ты понимаешь, что я места себе не нахожу, что я уже на грани болезни... – Никита остановился напротив, вытер большим клетчатым платком свою лысую голову.

– Держись, – негромко, почти не шевеля губами, произнесла Ольга, обращаясь к приятельнице.

– И ты здесь! – прошипел Никита, обернувшись. – Ты, разлучница!..

– Оля, иди домой, – сказала Надя. – Я поговорю и вернусь.

– Хорошо, если что – звони, – коротко ответила Ольга и быстрым шагом удалилась.

– Слушай, Надюш, она не кажется тебе вампиром? – задумчиво спросил Никита, глядя Ольге вслед. – Вампиром, который полностью подчинил тебя себе?

– Нет. Вампир – ты. Да, как ты меня нашел?

– Ну что я, не мужик, не могу найти свою женщину? – Никита, как всегда, часть информации, которая выставляла его в невыгодном свете, пропустил мимо себя. – Да я кого угодно могу из-под земли достать!

– Не сомневаюсь. Чего тебе?

– Я хочу с тобой поговорить. Я хочу понять, что ты за человек такой... Или дело во мне, а? Ну скажи, скажи! Что я сделал не так, что не то сказал? Чем я тебе не угодил?

– Всем угодил, – безучастно произнесла Надя.

– Тогда почему ты от меня ушла, ты можешь объяснить?

– Потому что я бездушная сволочь.

– Надя! – закричал Никита, схватившись за голову. – Ты можешь серьезно со мной поговорить, зачем ты меня мучаешь, а?

– Мы разные люди, – решила сменить тактику она. – Ты хороший человек, но ты мне не подходишь.

– А кто тебе подходит?

– Не знаю.

– И ты всю жизнь собираешься прожить одна? Надюш, тебе тридцать лет, четвертый десяток, по сути, а ты еще в самой себе не разобралась, не знаешь, как жить дальше!

От волнения Никита принялся брызгаться слюной, Надя отступила назад, но продолжала слушать бывшего мужа. Вернее, она делала вид, что слушает, а ее сознание как-то само привычно отключилось. А Никита тем временем говорил и говорил что-то возмущенно.

На нем была та самая клетчатая рубашка из хлопка, что они купили когда-то в Турции. А эти шорты, помнится, она сама ему сшила: из плотной ткани, наподобие парусины, бежево-коричневого цвета, со множеством карманов.

Его одежда, его обувь (черные кроссовки), черные носки, торчащие из кроссовок – внешне показались Наде ужасно скучными. Она все пыталась зацепиться взглядом за что-то, что не раздражало бы ее, не вызывало тоску – но нет, все в Никите было – *не таким*.

– ...Что творится с этим миром, я не понимаю? Люди разучились разговаривать, всем друг на друга наплевать, родители не слышат своих детей, жены – мужей, начальство – своих подчиненных!

– Никита.

– А? – спохватился бывший муж. – Да?

– Это ты меня не слышишь. Я тебе говорю прямым текстом – отстань. Отстань от меня! Отстань!!! – вдруг, не выдержав, закричала Надя и бросилась бежать прочь.

Она знала, что Никита из чувства собственного достоинства никогда не побежит за ней. Ну как это он, солидный мужчина, и вдруг бежит за девушкой! Скорее, он еще и еще попытается подловить Надю на улице, будет стоять под дверью той квартиры, где живет его бывшая, или опять начнет трезвонить Наде с разных номеров на телефон, но бегать – никогда.

Так оно и случилось. Надя домчалась до конца переулка, свернула за угол, потом дворами выскочила на соседнюю улицу, оглянулась на всякий случай и лишь затем, убедившись, что бывший муж не преследует ее, скользнула в свой подъезд.

* * *

Хлопнула входная дверь.

Ольга выглянула из своей комнаты в прихожую. Там Надя трясла ногой, пытаясь скинуть босоножку. Другая валялась в углу. «Интересно, поставит на место или забудет?» – машинально подумала Ольга, глядя в угол.

Надя, сняв наконец вторую босоножку, подобрала первую и бросила их в выдвижной ящик обувного шкафа.

– Ты бежала, что ли? – спросила Ольга.

– Ага, – пытаясь отдышаться, ответила Надя.

– Он видел, в какую сторону ты направилась? – продолжила допрос Ольга.

– Нет, я кругами... Заметала следы! – засмеялась та.

Иногда Надина беспечность бесила Ольгу. Вот чего тут хорошего, какой повод для смеха? Если дело так пойдет дальше, то Никита скоро окажется под их дверью и начнет там сидеть часами, распуская клиентов.

Конечно, Надя была очень хорошим человеком: добрая, незлопамятная, всегда готовая помочь и поддержать, но вот это ее легкомыслие порой почти убивало. Будь когда-то Надя чуть серьезнее, она не выбрала бы Никиту, прошла бы мимо него.

А вот сама Ольга, как ей казалось, с одного взгляда могла определить, кто перед ней и чего от этого человека нужно ожидать. Когда она впервые увидела Никиту (еще до того, как Надя собралась с ним разводиться), то сразу поняла: муж ее приятельницы из породы «чудиков». Руку на женщину не поднимет, но зато всю кровь из своей жертвы охотно выпьет. Она, Ольга, и близко к такому типу не подошла бы. И как только Надя согласилась выйти замуж за Никиту?

Впрочем, ничего удивительного... Надя, хоть и выглядела неплохо (подтянутая фигура, симпатичное личико, волосы хорошие – длинные, вьющиеся, приятного рыжевато-пепельного оттенка, веснушки на вздернутом носу, большие светлые глаза, всегда чуть удивленно распахнутые, наивные), никогда не умела себя подать. Что в голове, то и на языке – вся нараспашку. В этой девушке не пряталось никакой тайны, Надя выглядела и вела себя как *простушка*.

А нормальные мужчины не любят простушек, им неинтересно ухаживать за подобными особами. Словом, очереди из поклонников у Нади никогда не имелось, так что неудивительно, что она когда-то, не раздумывая, вцепилась в Никиту.

– Ладно, может, и обойдется, – вздохнула Ольга. – Ну не совсем же он псих, твой бывший!

– Но как он тут вообще оказался? – с недоумением спросила Надя. – Сказал, что искал меня... У моих квартирантов адрес выведал? Так они мне клятву дали, что ни за что и никогда...

– Погоди... Никита просто нашел твой сайт! – озарило Ольгу. – Или твои аккаунты в соцсетях, где ты себя рекламируешь как портниху... А там и адреса, и телефоны, и все на свете. Я еще удивляюсь, как он не догадался сделать это раньше!

– Наверное, мне не надо было размещать в сети информацию о себе, – пробормотала Надя.

– Ага, и сидеть без работы и без денег. Как бы тебя клиенты нашли? Ну что ты такое говоришь, Надежда?..

– Я все понимаю, Оля, но я не о том... Я просто удивляюсь тому, что Никита занимается всей этой ерундой – ищет меня, отслеживает... Зачем?!

– Затем, что он идиот. Но это не страшно, – подумав, добавила Ольга. Она видела, что Надя и без того сильно расстроена, и ей захотелось подбодрить приятельницу. – Все мы когда-то ошибались. Главное, ты потом будь поумнее, постарайся не вляпаться в очередного Никиту.

– Да-да, – пробормотала Надя и скрылась в своей комнате.

Ольге стало неловко. Ну вот зачем она сейчас отчитывала Надю? Зря. Да, конечно, досадно, что теперь Никита знает, где найти свою бывшую, но, в сущности, хоть они компаньонки и работают бок о бок, все равно это проблемы Нади, а не ее, Ольги.

Ольга вернулась к себе и продолжила работать – не для клиентов, не ради заработка. Готовила подарок Георгию. В прошлом году ей пришлось потрудиться особо: возлюбленному исполнилось пятьдесят, к этому юбилею она собственными руками изготовила роскошный, под старину, саквояж, такой же, но от известного производителя стоил бы, наверное, не меньше ста тысяч. В этом году Ольга решила ограничиться чем-то скромным, портмоне например. Но все равно, даже занимаясь портмоне, она старалась так, словно выполняла заказ английского принца.

Сколько Ольга себя помнила, она всегда выкладывалась полностью, выполняя любую, пусть самую незначительную работу. А вот Надя не раз твердила, что она не любит слишком напрягаться, потому что это неэффективно. Раз-раз, мерки сняла, выкройка самая простая, ткань в работе тоже самая простая – и вот вам, уважаемые клиенты, классические брюки. Или юбка-карандаш – от сорок второго размера до семьдесят второго. Хоть и приходили к Наде в основном клиенты с нестандартными фигурами, но сама технология пошива одна и та же, в сущности.

Для Ольги же ее работа являлась творчеством, возможностью выразить себя. Пусть рынок и перенасыщен дешевыми товарами из Китая, купленными на всем известной площадке в сети, но зато у нее есть шанс привлечь покупателей качеством. И уникальным дизайном. Чаще всего она изготавливала эксклюзивные сумки по индивидуальным заказам.

Руки у Ольги были вечно исколоты, изрезаны (работа с кожей требовала значительных физических усилий). В комнате у нее стояла специальная швейная машина, ведь обычная для шитья кожи не годилась. Имелся гладильный пресс, стол для раскроя, машинка для пробивания кнопок, ну и, разумеется, как без специальных ножниц, прочных игл, ручных пробойников?.. Тиски, струбина...

Сначала Ольга (после беседы с клиентом) разрабатывала эскиз (например, сумки). Затем – создавала лекала, и от данного этапа зависела вся судьба будущего изделия. Без конструкторских навыков никак! Если где-нибудь ошибиться, просчитаться, дальше все пойдет наперекосяк. Поэтому Ольга часто из ненужных и дешевых материалов шила так называемое пробное изделие. Тогда имелась возможность исправить кое-какие огрехи в лекалах. Третий этап – раскрой кожи. А кожа – материал дорогой, сложный, спешки и небрежности не любит. Поэтому мастерице необходимо максимально экономно расположить лекала, обходя участки с дефектами, ведь натуральная кожа всегда неоднородна по своему качеству.

Только после этого Ольга приступала непосредственно к пошиву: соединяла детали из кожи, делала подкладку. В конце устанавливала фурнитуру и украшала сумку декоративными деталями, если требовалось.

А поиск хорошей и недорогой кожи, заказ ее у фирм, занимающихся оптовыми поставками? Все это требовало времени и знаний. На специальных инструментах Ольга тоже старалась не экономить, поскольку от них зависело качество продукции.

На каждом этапе были необходимы время, силы и знания.

В результате Ольга жила, как в поговорке: то густо, то пусто. Иногда заказов вовсе не было. (Мало кто готов заказать хорошую кожаную сумку у мастера, проще купить ее в ближайшем торговом центре, по дороге от продуктового отдела к автостоянке, либо, опять же, задешево совершить покупку за рубежом, по интернету.)

В отличие от Ольги, ее соседка Надя старалась максимально удешевить и упростить процесс изготовления одежды. Вот вам, дамы, офисная юбка, а вот прямые брючки – проще некуда, даже карманы не предусмотрены... А вот пальто-«оверсайз» из теплой ткани цвета «кэмел», практически из одного куска, без подкладки и сложных деталей, варьируется только длина изделия и длина рукавов. Словом, вся жизнь соседки-приятельницы, все ее поступки подчинялись одному принципу: чтобы все быстро и легко получалось!

А вот не получилось, по крайней мере, в том, что касалось отношений Нади с противоположным полом.

Ольга, в противовес Наде, ко всему и всегда подходила обстоятельно, долго думала и просчитывала ходы, оценивала каждую мелочь. К Георгию она тоже присматривалась сначала, не торопилась с выводами.

Они познакомились лет восемь назад. Поначалу их отношения носили сугубо деловой характер: Ольга шила на заказ подарочные папки для документов, Георгий дарил их своим партнерам по бизнесу.

Солидный, красивый мужчина, с крупными, выразительными чертами лица, в очках, с густыми темными волосами, в которых уже мелькали седые пряди – вот как выглядел Георгий.

гий. Низкий негромкий голос, плавные движения, правильно выстроенная речь... Безупречно сшитые костюмы, мягкий блеск дорогой кожаной обуви. Часы на широком запястье – настоящие, швейцарские.

Он был всегда вежлив, как клиент – просто золото. Не устраивал никаких скандалов, давал четкие указания, умел понимать и слышать мастера, оплачивал заказы всегда вовремя. Как-то под Новый год, после того как приобрел у Ольги целую кипу этих папок для деловых бумаг, пригласил ее в кафе. Она согласилась.

Посидели, мило поболтали, дружески так, Георгий никаких пошлых поползновений в адрес своей спутницы себе не позволял. Потом сходили в кино на утренний сеанс. Там просто держались за руки. Георгий сказал, что он женат – давно и безнадежно, разводиться не собирается, но готов встречаться с Ольгой. Где-нибудь в гостиницах, в будни – утром или в обеденное время. Изредка – вечером. Она согласилась.

Этот мужчина показался ей лучше всех тех неженатых поклонников, с которыми Ольга встречалась раньше. И, кстати, не все из ее тогдашней немногочисленной родни поняли Ольгу, когда она стала встречаться с Георгием: как так, связалась с женатым! Во-первых, нехорошо и непорядочно, во-вторых, а как же собственная Ольгина жизнь, она же потратится на бесперспективные отношения...

Но Ольга так не считала. Разве брак сегодня – это главное? Наоборот, самое важное сегодня для женщины – это быть счастливой. Если счастье достигается вот таким, пусть и не вполне одобряемым окружающими путем – что ж, тогда плевать на окружающих.

За те семь лет, что Ольга встречалась с Георгием уже как любовница, они ни разу не поссорились, не опустились до взаимных оскорблений, которые обычно сопутствуют жизни семейной. Потому что каждое свидание любовников – это как праздник, романтика с годами совсем не угасла. Георгий не вваливал на себя Ольгины проблемы, она не тратила свое время, силы и здоровье на совместный изнуряющий быт. Свободные, счастливые, влюбленные люди!

К жене Георгия, Варваре, Ольга его совсем не ревновала. Это была, судя по всему, хоть и достойная, но совершенно махнувшая на себя рукой женщина, которая не отличалась особым здоровьем и, ко всему прочему, не рвалась исполнять супружеские обязанности, хотя Георгий, несмотря на возраст, был темпераментен, точно мальчишка.

Конечно, время от времени кто-нибудь из окружающих, узнав о том, что Ольга встречается с женатым, замечал: женатики обязательно твердят про свою супругу – она-де старая и больная, ничего не хочет... Классическая отговорка не слишком умных мужчин. Но в случае с Георгием все было именно так, как он говорил.

Варваре шел сорок первый год, и она была действительно хоть и далеко не пожилой по возрасту, но какой-то изнуренной, блеклой женщиной. Ольга один раз видела ее фото в телефоне у Георгия – нечто белесое и невзрачное. А Георгий – мужчина ответственный и положительный, он не мог, не имел права разрушить свою семью, его обязательность и честность очень нравились Ольге. Она его любила.

Потом и родни у Ольги не осталось, и уже никто не терзал ее упреками. Надя? О нет! У них, у двух соседок, изначально действовал договор о «невлезании» в личную жизнь друг друга...

Раздался звонок мобильного. Ольга взяла телефон в руки, улыбнулась: на экране высветилось имя любимого.

– Алло, – весело произнесла она, поднеся телефон к уху.

– Детка, привет. Я не слишком поздно? – отозвался Георгий. – Только сейчас узнал, что завтра утром у меня окно. Давай все там же, в одиннадцать?

– Хорошо. Сейчас узнаю.

– До встречи! – ответил Георгий, и в трубке раздались короткие гудки.

В первую их встречу номер в гостинице снял он. Потом попросил делать это Ольгу, деньги (наличными) давал заранее. Этой суммы хватало на оплату следующего свидания, плюс на остаток Ольга с собой в номер покупала хорошее вино и готовые закуски – в близлежащем дорогом супермаркете. Потом в гостиницах правила стали строже, у посетителей начали требовать на входе паспорта, и Георгий предложил снимать квартиру на время, по часам.

К месту свидания он подъезжал на общественном транспорте либо самолично ловил такси у метро. Так что никто при всем желании не мог проверить историю его трат и покупок. Цветы Георгий не покупал вовсе, они так договорились с Ольгой с самого начала.

Ей не было обидно, что она живет без цветов, без ежедневной близости с любимым и просыпается каждое утро одна. И в отпуск ездит тоже одна (в том смысле, что не с любимым вместе, так-то в путешествия они отправлялись вдвоем с Надей). Ольгино воскресное одиночество – это плата за то счастье, которая она испытывала в будни.

Чем дальше, тем сильнее она привязывалась к Георгию. Она уже не поменяла бы его ни на какого другого свободного мужчину, пусть самого идеального и благородного. Ольга, конечно, часто мечтала о том, что вот, возможно, в один прекрасный день что-нибудь случится такое-этакое... Например, умрет, наконец, эта болезненная бесцветная женщина по имени Варвара. И Георгий станет свободен. Но дальше фантазий Ольга не шла, она и за них-то испытывала стыд. Разве можно мечтать о смерти другого человека?

Предпринимать в реальности какие-то специальные хитрые шаги, чтобы развести возлюбленного с супругой, Ольга уж тем более не собиралась. Это подло, разлучницей становиться она не хотела.

«Маликова отгрузка 23 числа, место 126», – на следующее утро она отправила сообщение Георгию. Это значило, что в той самой, ближайшей съемной квартире все занято, Ольга будет ждать своего возлюбленного по адресу: улица Маликова, дом 23, квартира 126.

И всё у них, все сообщения шифровались подобным «деловым» образом, Георгий и Ольга прекрасно друг друга понимали. Причем в телефонной записной книжке Георгия Ольга числилась как Ольга Витальевна Казанина, то есть под своим именем. И в этом тоже заключалась определенная предусмотрительность. Никаких «Любимая», «Котик», «Оля», «Ольга» и прочих сентиментальных глупостей, способных вызвать катастрофу. Никаких «Иванов» или «Сидоров», «Коля» или «Автослесарь». Если Варвара вдруг вздумает проверить телефон мужа и позвонит «Сидорову», а ей отзовется женский голос, что тогда?!.. А вот громоздкое и вежливое имя-отчество-фамилия само по себе говорило о том, что где-то там, на другом конце невидимых телефонных связей, существовала какая-то там скучная официальная дама.

Ольга уже находилась в съемной квартире – стандартной, но вполне достойной по многим показателям, не вызывающей ужаса у брезгливого, придирчивого гостя (а именно таковыми и являлись Ольга с Георгием). Жилище напоминало номер в отеле, после каждого гостя хозяйка тщательно прибиралась, меняла белье, мыла и чистила все. Впрочем, и цена за такие услуги была немаленькой... Через полчаса в дверь позвонили.

Ольга открыла дверь.

– А вот и я, детка, – Георгий вошел и обнял ее.

От него пахло одеколоном, свежeweыглаженной рубашкой и еще чем-то таким, приятным, мужским, говорящим о чистоте и здоровье.

– Час назад позвонил Блинов, я думал, не сумею вырваться... – пробормотал Георгий, уткнувшись лицом Ольге в шею.

– Я ждала тебя. Я так соскучилась! Я бы умерла, если бы ты не пришел! – вырвалось вдруг у Ольги.

– Детка, не пугай меня! – шутливо, но тем не менее с нотками тревоги в голосе произнес Георгий.

– Ах, это я так... Вина не стала покупать, ну кто же пьет с утра? Хочешь кофе и блинчиков? Я сама их сделала.

– О да! – обрадовался Георгий. – Я как раз не успел позавтракать. – Хотел заскочить в... – он произнес название известного кафе, – но смотрю, по времени не успеваю.

– И чем же мои блинчики хуже фирменных, от французского ресторатора? Или кто там у них кухней заведует? Не могу понять... – проговорила Ольга.

– Твои – сделаны с любовью, – торжественно произнес Георгий.

Он ел, Ольга смотрела на своего возлюбленного, болтала какую-то чепуху: про соседку Надю, ее бывшего, про тополиный пух и несносных клиенток... Потом спохватилась:

– О, прости, что я голову тебе морочу! У тебя как дела?

– Да как-как... Опять на дачу ехать. А я эту дачу просто ненавижу. Скука смертная! Два часа в пробке – и комары, комары!

Георгий отставил пустую чашку, вымыл руки.

– Ну, идем, – тихо произнес он.

– Идем.

В комнате они разделись, Ольга нырнула под свежую, пахнущую специальной стиральной отдушкой простыню.

– Я тоже чуть не умер, веришь ли, без тебя... – пробормотал Георгий, целуя Ольгу.

– Только не торопись, – через некоторое время нетерпеливо потребовала она.

– Нет-нет, я не... – он застонал. – Как ты это делаешь, детка?

– С любовью! – на миг отвлекшись, засмеялась она.

– О да!..

Они знали друг друга наизусть, но повторение пройденного им не надоело.

– Вчера были в гостях, у крестной...

– И?..

– Да, да... А там Климт на стене. Чуть притормози, вот так.

– Кто такой Климт? А, это известный художник! – вспомнила Ольга.

– Да. Еще. И вот так. Этот его известный «Поцелуй», картина. Не оригинал, конечно, постер, но превосходный. О-о!..

– А-а!.. – Ольге показалось, что она теряет сознание.

Несколько минут они лежали без сил, постепенно приходя в себя.

– И что Климт? – наконец, спросила Ольга.

– Я говорю, увидел картину Климта, называется «Поцелуй». Копия ты – девушка на картине. И я вспомнил тебя. И еще там мужчина нарисован, кажется, он на меня похож. Мужчина целует девушку. У меня было чувство, что меня сейчас все разоблачат, увидев этот постер.

Ольга улыбнулась, поцеловала Георгия в плечо. Сейчас, без очков, возлюбленный уже не выглядел таким угрожающе солидным, в его «обнаженном» взгляде читались нежность и беспомощность.

– Ты лучше всех, – прошептала Ольга, провела пальцем по его губам.

– Детка... Ты такая милая! – с нежностью отозвался Георгий. – И за что мне такое счастье? Я тебя не достоин.

– Почему – не достоин? Ты – мой принц. Я тебя ждала всю жизнь.

– Детка, мне пятьдесят один, шестой десяток, по сути. Я на двадцать лет старше тебя. Еще немного – я превращусь в старика. А тебе еще жить и жить, цвести...

– Значит, ты собираешься со мной расстаться в скором времени? – напряглась Ольга.

– Не хмурь свой чудесный лобик, – Георгий поцеловал ее, – не то морщинки появятся. Ты сама меня оставишь.

– Нет. Нет, никогда. Ты ведь не собираешься меня бросать?

– Никогда. Если бы я мог... я бы за великое счастье... чтобы мы вот так, как сегодня, и до окончания жизни... Моей, разумеется.

– Если ты умрешь, умру и я.

Они обнялись порывисто и замерли.

– Ты ведь знаешь, что я не могу ничего изменить, – печально произнес Георгий.

– Знаю и ничего не требую.

– Ты моя милая...

– Гоша...

– Да? – рассеянно отозвался возлюбленный и приподнялся на локте. – Ты мои часы не видела? Все время боюсь забыть, это подарок, вдруг Варя заметит и спросит... А, вот они, на столике...

– Гоша, а если бы я родила?

– Зачем? – испугался он. – Ты беременна?!

– Нет. Но... я бы хотела ребенка. От тебя.

– Оленька, ну какой из меня отец? И по возрасту, и вообще...

– Я бы от тебя ничего не стала требовать. Ни денег, ни времени, ни помощи. Ни алиментов, ни установления отцовства – мне ничего не надо. Ни-че-го.

Георгий молчал, его лицо выражало растерянность и смущение.

– Все было бы так же, как и сейчас, – настойчиво произнесла Ольга. – Я женщина, у меня материнский инстинкт, я должна. Я хочу, в конце концов. Твоя Варвара никогда об этом не узнает. Даже больше того... Мой ребенок никогда не станет претендовать на то наследство... что ты собираешься оставить своей дочери, Аглае. Сколько ей сейчас? Шестнадцать? Я представляю, впереди экзамены в школе, в следующем году, да? ЕГЭ, репетиторы, ты говорил. Потом институт и опять одни расходы... Конечно, ты не имеешь права жертвовать свои деньги новому ребенку. Но пойми, мне ничего не надо. Я не богачка, но мы с ребенком проживем, не бедствуя.

Георгий молчал, закусив губу.

– Гоша, я тебе клянусь. Ты же меня знаешь, я тебя никогда не подводила, я всегда соблюдала договоренности. И потом, если это будет сын... Ты ведь мечтал о сыне, как любой мужчина?

– Ну допустим, я не любой мужчина и... Хотя, ты знаешь, я понимаю твои устремления. Ты женщина, и ты... Я не против, детка. Пусть будет ребенок, хорошо. Только не сейчас, а чуть позже, года через два. Когда закончится вся эта свистопляска с экзаменами и поступлением у Аглаи. Вот тогда – да, все возможно, – Георгий улыбнулся, пусть и неуверенно.

– Спасибо, – обрадовалась Ольга. – Спасибо, милый!

– Сколько сейчас? О, уже половина второго! Опаздываю!

* * *

В половине второго зазвонил телефон, на экране высветилось имя – Катрина.

– Аллю! – бодро отозвалась Надя. – Слушаю вас, Катрина. Надеюсь, все в порядке?

– В каком смысле? А, да, все в порядке, ношу ваши брючки с блузкой, все хвалят... Я, пожалуй, через месячишко к вам еще загляну, мне на осень кое-что надо сшить... – затараторила клиентка. – Но я не про то. Вы, Надюша, обещали, что братцу моему кое-что сошьете!

– Какому братцу? – удивилась Надя, но тут же вспомнила: – А, вашему брату! Филиппу, да?

- Он к вам может подойти сегодня?
- Да, конечно. После трех – в любое время.
- Отлично! – обрадовалась Катрина. – Всего доброго, Надюша.
- К вашим услугам, – попрощалась Надя и нажала на кнопку отбоя.

Она вновь села за швейную машинку и принялась строчить очередную черную юбку-карандаш. Вытачки, боковые швы, шлица сзади, подогнуть, подкладка, пояс... Юбка была готова меньше чем за час. Когда Надя отпаривала швы, хлопнула входная дверь.

Минут через десять в комнату постучала Ольга:

- Компаньонка, к тебе можно?
- Заходи!

Надя выключила утюг, принялась вертеть готовую юбку перед собой – все ли в порядке? Контроль качества, так сказать... Завтра с утра за этой юбкой забежит очередная клиентка, и необходимо, чтобы та ушла довольной.

- Оля, ты как? – спросила Надя.

Ольга сидела в кресле напротив, в длинном белом сарафане, напоминающем платье невесты. Выглядела взволнованной и серьезной.

– Ты знаешь, мы с тобой всегда и все обговаривали... – начала Ольга сдержанно. – И даже совместные правила проживания по пунктам расписали... И подписали с обеих сторон...

– Ты хочешь что-то изменить в нашем соглашении? – спросила Надя. Она в этот момент вспомнила о Филиппе, почему-то рассказ Катрины запал ей в душу. Что это за безнадежная первая любовь, которая настолько ранит человека, что заставляет его всю жизнь бежать от отношений с женщинами?..

- Надя... ты меня слушаешь? Нет, не изменить, но дополнить.

- А?.. Что именно? – встряхнувшись, спросила Надя и закрепила юбку на вешалке.

- Ты думала о детях? *Своих* детях?

- Думала, – пожала плечами Надя.

- И что ты думала?

– Что я думала?.. – озадачилась она. – Что в принципе я хотела бы детей. Ну или ребенка, одного. Когда-нибудь, когда выйду замуж.

- А если не выйдешь?

– Это будет грустно. То есть не то чтобы я стремилась к замужеству, но хотелось бы растить ребенка в полной семье. – Надя сунула вешалку с юбкой в шкаф.

– А если, допустим, твой мужчина сбежал бы? Или что-то такое... Словом, ребенок есть, а мужа нет?

- Оля, я не понимаю, к чему ты клонишь! – нетерпеливо спросила Надя. – Говори прямо.

- Года через два, наверное, я решусь родить от Георгия, – призналась Ольга.

- И что?

– От жены он не уйдет, да это мне и не надо. Стану растить ребенка, иногда встречаться с мужчиной своей мечты, ну то есть все будет продолжаться, как сейчас. И у тебя ведь тоже есть шанс стать матерью – в отношениях с кем-то или без. Но мы с тобой – ты и я – даже в этом случае можем сохранить партнерство. И все так же работать. Одна шьет заказ – другая сидит с детьми, и наоборот. Это очень удобно: никаких няnek не надо, бабушек-тетушек, тем более у нас с тобой их и нет уже.

– Это точно... – вздохнула Надя. На самом деле детей она не планировала (вот так все-рез, как Ольга), даже в браке с Никитой. Скорее, наоборот: радовалась, что теперь ее с бывшим мужем ничто не связывало.

Если бы у них с Никитой родилось совместное дитя, то развод шел бы дольше и тяжелее. И Никита одними преследованиями не отделался бы, он строчил бы на Надю жалобы в опеку,

ходил бы по судам, прилюдно рыдал бы у ворот детского садика: вот, граждане, меня бывшая лишила общения с собственным ребенком!.. Хотя никто бы его общения не лишал, наверное, это просто характер у мужа такой – склонный к спектаклям на публику.

– Значит, мы должны составить дополнительное соглашение, – сказала Ольга.

– Я не против.

– Разумеется, никаких санкций не последует, если одна из нас нарушит какой-то пункт договора, но продумать каждую мелочь необходимо. Чтобы потом не таить обид друг на друга и... – Ольга не договорила, поскольку раздалась трель домофона. – Надя, ты кого-то ждешь?

– Не-ет...

– И я тоже. Это Никита, значит.

– Погоди, я вспомнила, это ко мне! – Надя выскочила в прихожую, сняла трубку переговорного устройства. – Кто там?

– Георг-Фридрих-Фердинанд-Филипп фон Гогенцоллерн, – услышала она меланхолический мужской голос. – Ой, простите, заработался... Я просто Филипп, нуждаюсь в новом камзоле... То есть новых брюках.

Надя не знала, как ей на такое реагировать, она стояла ошеломленная, прижав трубку к уху. Потом не без труда произнесла:

– Прошу вас, Георг-Фридрих-Фердинанд-Филипп фон Гогенцоллерн, подымайтесь на четвертый этаж. Камзолы шьют именно там.

– Ты чего? – с ужасом прошептала Ольга, стоявшая рядом. – Это кто?!

– Да свои это, свои. Брат Катрины, помнишь...

– Какие свои, это псих!

Надя отмахнулась. Вероятно, двоюродный брат Катрины принадлежал к категории вечно хохмящих мужичков. И это как-то не соединялось с образом романтического страдальца, который уже мысленно нарисовала для себя Надя.

Она распахнула дверь, и через минуту в прихожую вошел невысокий парень, вернее, довольно-таки молодой мужчина. Парнем он казался потому, что на нем красовались потертые джинсы и обычная белая футболка, но при внимательном рассмотрении становилось ясно, что гость не так уж и юн. Выющиеся рыжевато-каштановые волосы были зачесаны назад и закрывали сзади шею. Довольно широкое лицо, пронзительные светло-карие глаза, обрамленные длинными и пушистыми светлыми ресницами... Худощавый, но какой-то подтянутый, спортивный, жилистый, что ли – поскольку сила чувствовалась в каждом его движении. Гость ничем не напоминал Катрину – вальяжную и трепетную даму. Хотя, впрочем, кое-чем напоминал – этим своим невысоким ростом. Вровень с Надей.

– Привет, это я, Филипп, – без тени смущения, каким-то будничным голосом произнес гость. – Сюда можно сесть? – Он указал на пуфик.

– Да, пожалуйста, – растерянno пробормотала Надя.

Филипп немедленно присел на пуфик и принялся натягивать на свои кроссовки полиэтиленовые бахилы, какие обычно выдают при входе в поликлинику.

– Руки где можно помыть? – опять спросил он.

– Туда...

Надя и Ольга последовали на кухню за Филиппом. Тот все с тем же невозмутимым выражением вымыл руки, оторвал квадратик бумажного полотенца, вытерся и привычным жестом, открыв дверцу у раковины, бросил смятый бумажный комок в мусорное ведро.

– Вы Надя?

– Нет, это Оля, моя компаньонка, а Надя – это я...

Ольга вдруг фыркнула и, ничего не сказав, ушла прочь, закрылась в своей комнате.

– Строгая какая, – заметил Филипп. – Ну, куда дальше идти?

– Вот в эту дверь. А, я вспомнила, Катрина говорила, что вы в «Скорой помощи» работаете! – засмеялась Надя. Ей вдруг и правда стало отчего-то смешно. – Бахилы, мытье рук...

– Привычка! – растопырил ладони Филипп. – А раздеваться надо?

– Зачем?..

– Ну как, мерить вам меня придется, для точности...

– Ничего, не ошибусь, приноровилась, – усмехнулась Надя. – Сюда, пожалуйста, встаньте. Ровно только. Я на вас посмотрю.

– Смотрите сколько угодно, смена у меня кончилась, и я никуда не тороплюсь.

– Не смешите меня, ладно? – попросила она. – Я хочу понять, какой фасон вам больше подойдет.

Филипп замер, глядя на Надю своими пронзительными, орехового цвета глазами. Кажется, мужчина даже перестал моргать.

– Я определилась, – где-то через минуту заявила Надя, у нее уже возникла идея, какой именно фасон больше подойдет Филиппу. – Сейчас нарисую эскиз, покажу. Или у вас свои пожелания?

– Нет у меня никаких пожеланий, – Филипп, наконец, расслабился, заморгал. – И, в общем, объяснять мне ничего не надо. Я в тех ситуациях, где я профан, сразу полагаюсь на мнение специалиста. И рисовать ничего не надо. Доверяю, полностью доверяю вам себя.

– И даже обсуждать ничего не хотите? – поразила Надя.

– Нет.

– Прекрасно. Прямо праздник для портнихи... – улыбнулась Надя. – Ткань сами купите? У меня, если что, своя есть, я оптом покупаю. Могу все бумаги показать, сертификат, ценник...

– Зачем? Верю. Шейте из своего. И мне же легче – что, я по магазинам эти ткани искать буду... Я на такую мороку не подписывался.

– И цвет ткани вас не волнует?

– Нет.

– Ладненько. Сошью вам оранжевые брючки и зеленую рубашечку, – злорадно произнесла Надя.

– Всегда о таких мечтал, – серьезно произнес Филипп. – А то стоят у меня дома желтые ботинки без дела, поскольку не с чем их носить... А так хоть повод будет их выгулять!

– Вы не заказчик, а золото, – Надя потянулась за портновским метром, свитым в клубок. Развернула его во всю длину залихватским жестом.

– Немного робею, – глядя на метр в Надиных руках, все тем же серьезным, даже будничным тоном произнес Филипп. – Но надеюсь, мои параметры не представят сложности для такой опытной портнихи, как вы.

Надя не выдержала, засмеялась, почувствовала, как запылали щеки: ей показалось, что в очередной шутке Филиппа спрятан какой-то не совсем приличный намек. Потом она разозлилась на себя, на свой хохот – что так отреагировала бурно, показала тем самым гостю, что ей во всем мерещатся непристойности, и самой за себя стало стыдно. Но и он хорош: зачем непрерывно хохмить и стебаться?..

Стоп. Филипп тут ни при чем. Это ее проблемы – то, как она реагирует. Какой из нее тогда профессионал, если она не умеет правильно общаться с клиентами? Человек, работающий в сфере услуг, должен спокойно относиться к людям, готовым сделать у него заказ. Портному не следует реагировать на шуточки-прибауточки, которые изрекает клиент, что ж теперь, у всех разная манера общения... Надо пропускать все словесные излияния клиента мимо ушей. Только одного не стоит мастеру терпеть – откровенного хамства и грубости, но в данном случае Филипп себе ничего такого не позволял. Это она, Надя, позволила себе расслабиться, общаясь с клиентом.

Она выдохнула, заставила себя стать серьезной, внутренне закрылась.

– Приподнимите руки, пожалуйста, расставьте их слегка в стороны. Да, вот так, спасибо, – Надя, стараясь не прижиматься к Филиппу, обвила сантиметром его грудь. Затем на листе бумаги написала: ОГ (обхват груди) – столько-то. Затем измерила обхват шеи заказчика, длину плеч, расстояние от плеча до локтя, обмерила талию...

Потом, окончательно отрешившись, села на корточки и принялась мерить обхват бедер, далее – так называемую глубину паха, то есть внутреннюю сторону ног Филиппа.

Он молчал, ни о чем не спрашивал, полностью подчинившись Наде. Ничего лишнего себе при этом не позволял: не прикасался к ней, смотрел тоже в сторону.

Когда все мерки были сняты и записаны, Надя сказала:

– Всё. Готово. Приходите дня через два на первую примерку.

– Хорошо. Буду в понедельник, во второй половине дня, – послушно произнес Филипп.

– До свидания, – произнесла Надя, стараясь вложить в эти слова максимум любезности и минимум чувств.

– Всего доброго. А это что? – Филипп наклонился, поднял с пола кольцо, затем протянул его Наде: – У вас, оказывается, тут золото-бриллианты прямо под ногами валяются.

– Да какие бриллианты?.. Фианит. Со стола опять смахнула, наверное, – она пожала плечами и надела кольцо на палец, покрутила его. – Велико, вот и сваливается все время. У меня пятнадцатый размер, а купила шестнадцатый. Все от жадности.

– От жадности?

– Ну да. В ювелирном была распродажа, а моего размера, как всегда, нет в наличии...

Филипп хотел что-то сказать, но потом, видимо, передумал. И Наде вдруг показалось, будто она знает, что именно он хотел сказать. А сказать он хотел следующее: зачем девушке самой покупать себе кольца, да еще на распродаже? Кольца должен дарить мужчина, и не экономя при этом...

Но она тут же отогнала от себя лишние мысли. Это самое глупое – начать додумывать за другого человека и приписывать ему те намерения, которых у него и в помине нет.

– Минутку. А другая девушка? Катрина сказала, я могу еще заказать себе какой-нибудь аксессуар. Сумку или ремень...

– О, точно! – спохватилась Надя. «Господи, еще не хватало, если бы я и об Оле забыла!» Постучала в комнату к подруге.

– Да, войдите, – раздалось с той стороны. Надя распахнула дверь:

– Оля, вот Филипп, я ему собираюсь вполне классический комплект сшить – черные брюки и светлую рубашку, ты к этому ему что-нибудь посоветуешь?

Сказав так, Надя еще раз попрощалась с Филиппом и ушла к себе. Продолжать разговор она не хотела.

Этот мужчина и злил ее, и... Он ей понравился, чего тут скрывать от себя самой.

Такого с ней никогда не случалось. Во-первых, потому, что ее обычными клиентами были в основном женщины. Приходили и мужчины и порой бурно реагировали на процесс снятия мерок, но Надю это ничуть не задевало. Бывает, что ж... Особенности профессии, особенности работы с людьми.

Ко всему прочему, Филипп был совершенно не во вкусе Нади. Она-то мечтала о высоком блондине, серьезном и солидном, а тут какой-то вертлявый живчик, ни слова без стеба...

И чем только этот человек смог ее покорить?..

Надя развернула в половину комнаты складной стол для выкроек, достала широкий рулон миллиметровки. Она приступила к построению выкройки и, увлекшись работой, забыла обо всем.

В дверь постучали.

– Да!

В комнату заглянула Ольга.

– Ушел? – спохватилась Надя. – Я что-то пропустила, не слышала, как дверь хлопнула...

– Ушел, и давно.

– Заказал что-нибудь?

– Да, хочет кожаную сумку самой простой конструкции – мешок на лямке.

– Нормально, – мысленно прикинув, как сумка будет смотреться с комплектом одежды от нее, согласилась Надя.

– Странный субъект.

– Почему? Обычный мужик, из тех, кто любит побалагурить.

– Тебе он понравился? – быстро спросила Ольга.

– Мы же не говорим о личном? – напомнила Надя. – Он мне не понравился сначала. А потом, кажется, да...

– Так и ты ему тоже понравилась, он только о тебе болтал, пока у меня сидел! – выпалила Ольга недовольно.

– Я не виновата в том, что ему приглянулась.

– Ты же с ним кокетничала, я сама видела.

– Я?! – возмутилась Надя.

– Ну да, ты ему подыгрывала в каждой фразе.

Надя села в вертящееся кресло. Когда ее слишком обуревали чувства, она не могла их скрывать.

– Он смешной, – вздохнула она и улыбнулась, разведя руки.

– Ты всерьез, значит, восприняла заявление Катрины «возьмите моего братца под крыло, хоть кто-нибудь»?

– Нет. Не всерьез. Но так получилось.

– Это тип пытался узнать у меня, какие цветы ты любишь!

– Как мило! Ты сказала, надеюсь?

– Сказала, что я не в курсе, а я и правда не в курсе! Но дело не в этом... Послушай, он же, он же... он тебе не пара! – с отчаянием произнесла Ольга.

– Почему?

– Да потому что он со странностями. Потому что он ниже тебя по росту будет, если ты на каблучки встанешь. Потому что вся его биография...

– Да нормальная у него биография, можно подумать, у меня лучше или у кого-то еще... Самая невинная, романтическая у него биография, вот что я тебе скажу, – огрызнулась Надя. В глубине души она была согласна с приятельницей, но не думать о Филиппе уже не могла.

Надя кружилась в вертящемся кресле, опустив голову, и вспоминала, как снимала мерки с этого мужчины. Между ними, кажется, в те моменты проскакивало электричество.

– Ты вольна делать что угодно, только, пожалуйста, соблюдай благоразумие, – раздраженно произнесла Ольга. – Вспомни Никиту: он, как ты говорила, сначала тоже показался тебе очень милым. А что в результате? Нет, я не против того, чтобы ты встречалась с мужчинами, и, вообще, кто я такая, чтобы читать тебе нотации... Ты взрослая, самостоятельная женщина, ты имеешь право на личную жизнь, а вот я, я – не имею права в нее лезть... Но не надо все так серьезно – вот я о чем. Можно же жить своей, только своей жизнью, и... и в свободное время просто встречаться с мужчиной.

– Как ты? – остановила свое кружение в кресле Надя.

– Да. Я не порчу жизнь никому – ни себе, ни Георгию. В сущности, у нас с ним гостевой брак. А что, многие сегодня так живут, это очень удобный способ общения. Быт убивает, и все эти мелочи, когда двое заперты в одном пространстве... А вот когда только любовь, когда оба свободны... Только тогда и появляется то, что называется счастьем.

– В принципе, я с тобой согласна, – кивнула Надя. – Но раз ты вдруг решила обсудить мою личную жизнь, решила дать мне советы, тогда выслушай и меня. У нас же равенство, абсолютное партнерство, да?

Кажется, Ольга немного смутилась. Но тем не менее сказала:

– Хорошо, Надюша, давай обсудим и меня. Баш на баш. И, кстати, это правильно: быть может, мне уже давно требуется взгляд со стороны, и ты – как человек, который давно меня знает... Да, скажи, что ты обо мне думаешь?

– Ты точно не обидишься?

– Конечно. У нас же с тобой все по-честному.

Надя подняла голову, вздохнула, набираясь решимости. И начала:

– У вас с Георгием никакой не гостевой брак. Твой Георгий – не твой, он не свободен. Он женат. Ты полностью зависишь от него. В том смысле, что это он назначает встречи, он выбирает... Как это?.. Тот формат общения, который нужен именно ему. А ты – лишь соглашаешься и со всем перфекционизмом, тебе свойственным, выполняешь его требования.

Ольга побледнела и отшатнулась назад, словно ей дали пощечину. Надя уверенно продолжала:

– Итак, Георгий зависит от своей жены, Варвары, а ты зависишь от Георгия. И это значит, что ты, ты, ты! – во власти той женщины. Как и твой Георгий. Он ей подчиняется, не тебе.

– Но это его выбор...

– А у тебя – выбора-то нет! Ты берешь то, что тебе дают, этот скудный сухпак, как говорил мой папа-военный, но при этом ведешь себя так, будто тебя потчуют деликатесами! – сердито произнесла Надя. Оказывается, эти обличительные речи давно копились в ней, рвались на свободу, и вот теперь пришло их время. – Нет, я не о том, что женщина должна сесть на шею мужчине и свесить ножки, дескать, вези меня, милый. Но Георгий в этих отношениях ничего не теряет, а ты можешь потерять все. Свои лучшие годы!

– Да мне ничего и не надо! – закричала Ольга.

– Ты ребенка собралась рожать от мужчины, который и не думает тебе помогать!

– Да откуда ты знаешь про помощь... – пробормотала приятельница и вдруг заплакала.

– О нет!.. Оля, Оля, прости! – заволновалась Надя. Протянула руки, хотела обнять Ольгу, но тут же спрятала их за спину. Между ними были не приняты такие отношения.

– Ладно, ерунда, – Ольга успокоилась столь же быстро. – Нервы. Просто нервы. Я тебе не говорила? Сегодня домой шла и возле подъезда соседку встретила, ту, что под нами. Которая в шляпе и с длинным носом, пожилая... Ты ее еще как-то старухой Шапокляк назвала, помнишь?

– А... да. Ей вечно во все влезть надо, – пробормотала Надя, с тревогой глядя на свою приятельницу.

– Так вот, на этот раз она заявила, что из нашей квартиры через вентиляцию вечно к ней какую-то химию затягивает. Я, конечно, иногда работаю с клеем, и у него специфический запах, но это редко бывает, я же не массовым производством занимаюсь. Так, изредка и по чуть-чуть!

– Я знаю, знаю!

– А Шапокляк утверждает, что мы чуть не ежедневно ее травим, и обещала куда следует на нас пожаловаться...

– Не бери в голову, она просто пожилой человек, ей скучно и хочется общаться, – успокаивающе произнесла Надя.

– Нет, ты не понимаешь, если она на нас СЭС натравит, это будет конец света.

– Какую СЭС? У нас же все в полном порядке: мы платим налоги, никому не мешаем... Я понимаю, если бы у нас было целое производство на дому, тогда да, а то ты ведь от силы пару сумок в месяц иногда...

Ольга махнула рукой, улыбнулась:

– Ладно, все в порядке. Пошла заказ твоего Филипка делать.

– Он не мой!

– А чей тогда? Не мой же...

Ольга ушла, а Надя опять склонилась над выкройкой. О Филиппе она уже осознанно старалась не думать. И правда, глупо же строить какие-то серьезные выводы на основе короткого знакомства. Возможно, этот мужчина – обычный бабник, который пытается «подкатить» к любой, кто попадает на его пути. Так часто случается: мужчине нужен только одноразовый секс, без обязательств, вот он и включает свое обаяние, а женщина принимает эти ухаживания всерьез и уже в голове рисует их скорую свадьбу, долгую счастливую жизнь и придумывает имена будущим детям...

* * *

Ольга легла спать поздно, поскольку знала, что завтра никаких особых дел нет, все визиты клиентов состоятся на следующей неделе, в будни, и поэтому в выходные можно с чистой совестью спать до полудня. Ко всему прочему Георгий сообщил, что уезжает на дачу, а значит, у Ольги еще больше свободного времени.

Но проснулась она от резкого звонка в дверь. Жмурясь, посмотрела на часы: восемь утра. «Звонят в дверь, это не домофон... Это Шапокляк!» – с тоской подумала Ольга. Вскочила, кое-как накинула на себя халат и, чуть пошатываясь спросонья, побежала в прихожую. Там уже стояла Надя, кутаясь в покрывало, и изучала визитера в глазок.

– Кто там? Соседка? – шепотом спросила Ольга.

– Если бы... Никита, – обернулась Надя и страдальчески сморщила лицо – словно ломтик лимона пыталась разжевать.

– Он все-таки нас настиг! – схватила за голову Ольга.

– Тс-с... Давай сделаем вид, что нас нет дома, – Надя на цыпочках попятилась назад.

В дверь опять позвонили. Потом еще и еще. Надя и Ольга слушали эти резкие трели, закрыв уши.

Тишина.

– Он ушел? – едва слышно спросила Ольга.

– Наверное! – одними губами ответила Надя.

В этот момент опять раздался звонок – долгий, пронзительный.

Затем человек снаружи принялся колотить в дверь.

– Что он, с ума сошел? – с тоской прошептала Надя.

– Надежда! – заорал Никита там, на лестничной площадке. – Открывай! Надя-а-а!

Грохот, опять вопли.

– Нужно открыть, – с отвращением произнесла Ольга. – Иначе твой бывший весь подъезд перебудит.

– Надя-а-а!

К голосу Никиты присоединился чей-то другой – пронзительный, женский.

– Это она. Соседка с нижнего прискакала, Шапокляк, – прислушавшись, констатировал Ольга.

– Молодой человек, что вы тут кричите?! – раздалось снаружи уже отчетливей.

– Я ему не открою. Пусть знает. Пусть хоть всех на уши поставит, – вдруг заявила Надя.

– Полицию же вызовут.

– И пускай, – непреклонно произнесла приятельница. – Если Никиту хоть раз заберут, то он будет знать...

– Шапокляк на нас всех собак спустит. Выгонят отсюда. Это же неприятности! – Ольга почувствовала, что буквально ненавидит в этот момент свою компаньонку.

– Мы ни в чем не виноваты. И потом, если сейчас открыть дверь Никите, то он уже не отстанет!

Надя развернулась и ушла к себе в комнату.

Никита орал за дверью, Шапокляк тоже. Судя по репликам, она пыталась урезонить дебошира и грозила полицией.

«Мне что, больше всех надо?» – со злостью подумала Ольга и тоже ушла к себе в комнату. Упала на кровать, закрылась с головой одеялом. Она слышала: еще некоторое время в дверь трезвонили, затем все затихло.

Ольга думала о том, что она не может так, как Надя. Ей, Ольге, было бы стыдно за Никиту перед окружающими. Этот мужчина доставляет всем беспокойство, будит целый подъезд... Разве это не вина Нади? Ольга на ее месте кинулась бы урезонивать бывшего мужа, стала бы извиняться перед разбуженными жильцами...

А Надя – просто ушла спать!

И все у ее приятельницы вот так происходит – легко и без особых раздумий. Захотела – вышла замуж, расхотела мужа – развелась. Улыбнулся ей заказчик – улыбнулась в ответ. Он глазки ей строит, этот Филипп, ну и Надя не теряет...

Ольга слышала вчера, как они, Надя с Филиппом, болтали, как заливисто смеялась Надя.

Когда Филипп пришел к Ольге, то выглядел серьезным и отстраненным. С Ольгой он и не думал заигрывать. Та показала ему образцы сумок, он выбрал самый простой вариант. Филиппу была безразлична Ольга и что она делает... Все его вопросы – только о Наде.

Вот почему так? Она, Ольга, интересней, сложнее, ярче приятельницы – как женщина. Надя мила, но... Да и к чему эта ревность? Ясно же, что Филипп хотел только необязательных отношений от Нади, а в Ольге он увидел осмысленное отношение к жизни, сразу понял, что в этом случае все его шуточки бесполезны, бьют мимо цели. Потому и не стал заигрывать с Ольгой.

Почему Надя сама не понимает, сколь она доступна порой для всяких проходимцев – в этой своей простоте и открытости?!

А еще ее неразборчивость... Как можно было клюнуть на такого, как Филипп, с его дешевыми поговорками? И вообще, он маленького роста, это смешно... Нет, он не совсем уж низкорослый, не до болезненности мелкий... Все же его рост явно ниже среднего.

Сейчас, конечно, нельзя судить людей за рост, вес, цвет волос и кожи, но... Просто психологически тяжело будет потом жить с мужчиной, которого наверняка одолевает комплекс Наполеона, как и всякого, кто невысок ростом.

Даже если Надя начнет встречаться с Филиппом, что называется, для здоровья, ведь, в конце концов, подруга – молодая, полная сил женщина, то и это как-то неправильно. Надя может найти себе партнера для секса «онли» поинтересней.

Ну да, у Филиппа благородная профессия, он работает на «Скорой помощи», за это его можно уважать, но любить...

Ольга ворочалась с боку на бок, потом уснула. Проснулась, как и собиралась, около двенадцати дня. Умывшись и позавтракав (а завтраки у них с Надей отличались простотой – стаканчик йогурта и чашка растворимого кофе, все продукты закупались совместно и делились поровну), Ольга приступила к работе – изготовлению сумки для Филиппа.

Решила сшить ее из кожи наппа – эластичной, мягкой, выделанной из шкуры телят. Они договаривались с Филиппом о другом материале, более дешевом, и о цене тоже условились, но уж больно Ольге хотелось его уязвить. Пусть увидит, что она – не хуже Нади, в том числе и как мастер. «Да, наппа дороговата, но у меня есть кусок, который я купила практически по оптовой цене, чего жалеть? В сущности, никакого убытка для меня...»

Ольга слышала, когда проходила по коридору, что Надя где-то у себя в комнате: шуршание бумаги, звук шагов, звон ножниц, падающих на пол...

Вечером вдруг пришло сообщение от Георгия: «Завтра я свободен. Есть возможность обсудить соглашение на тех же условиях».

Ольга знала, что обычно ее возлюбленный сразу же удаляет записи из своего телефона, но даже несмотря на это, он обычно старался все шифровать. Чтобы уж на сто процентов себя обезопасить.

«Надо же, а говорил, что уедет», – растерялась Ольга. Но первым ее желанием после того, как она получила это сообщение, было броситься искать свободную квартиру на воскресенье у своих проверенных квартиросдатчиц. В выходные, да еще и летом, это оказывалось сделать сложнее, особенно если не побеспокоиться заранее... Так что надо немедленно обзвонить всех тех, кто мог предоставить завтра свои услуги!

Впрочем, Ольга тут же осадила себя. Она вспомнила, что вчера ей сказала Надя. Получается, Надя была права, утверждая, что Ольга в полном подчинении у Георгия? Ее позвали – и она побежала, точно собачка, виляя хвостиком?

Ольга никогда не отказывалась от встреч с Георгием, ну, разумеется, кроме тех случаев, когда чувствовала себя совсем уж нездоровой. Может, есть смысл впервые отказать Георгию по той причине, что она сама хочет диктовать условия?

Но толку-то?

Тогда она просидит завтра дома. И все равно ничего не добьется. Она не имеет права ничего диктовать, поскольку Георгий полностью зависит от своей жены, Варвары. И еще от своей работы.

И какое тут партнерство? Полная зависимость, как Надя и говорила!

Ольга застонала, прижав ладони к вискам. Она и в самом деле не могла отказаться от этого свидания. Она не могла отказаться от Георгия. Ее женская судьба – всю жизнь находиться на высоком старте, ожидая, когда позовут.

Впрочем, желание встретиться с любимым победило. После долгих телефонных переговоров Ольга, наконец, нашла то место, где они смогут встретиться с Георгием завтра. Она отправила ему сообщение: «Состоится расширенное совещание, с 11 до 15–00, Мельгунов будет только 8, рейс 27».

В воскресенье, без пяти одиннадцать хозяйка квартиры, той, что по адресу: улица Мельгунова, дом 8, квартира 27, передала Ольге ключи возле подъезда. Ольга зашла в квартиру, огляделась. Тут они с Георгием тоже бывали не раз, здешняя хозяйка отличалась чистоплотностью, но и деньги просила за свои услуги опять-таки немалые.

Георгий появился минут через двадцать, в легком летнем костюме белого цвета из плотного гладкого хлопка. Возлюбленный выглядел просто роскошно – он своим видом напоминал голливудского киноактера. Весь в белом, седые виски, загорелое мужественное лицо, мягкий блеск золотой оправы очков...

– Голодный, тоскующий – вот я весь, перед тобой! – обнял он Ольгу.

– Бедный, – вздохнула Ольга. – Но ты знаешь, я сегодня не успела ничего с собой взять. Так торопилась... Да, и ты в курсе, что эта тетка, хозяйка квартиры, потребовала еще пару тысяч сверху? Говорит, инфляция.

– Что?.. – неприятно поразился Георгий. – Пару тысяч? Да она спятила. Слушай, давай ты не будешь с ней больше дела иметь. Мало ли сдающихся квартир!

– Но ты сам видел, в иные войти страшно, – напомнила Ольга. – Помнишь, ты чужой волос на простыне увидел, весь перекривился тогда?

– Кстати. Белье – простыни все эти – можно с собой приносить, я давно хотел сказать. А то хозяева дерут деньги якобы за чистоту, но все равно же противно.

– Я подумаю, – коротко ответила Ольга. Ей вдруг стало неприятно. Она-то думала о свиданиях с Георгием как о редких минутках счастья, а он, оказывается, каждый раз «мониторил» те места, где эти свидания происходили. Может, и Ольгу он воспринимает не как возлюбленную, а как некий объект, служащий для удовлетворения его желаний? – Да, а кто белье будет приносить?

– Ты, – не раздумывая, ответил Георгий. – Ну не я же... Потом постираешь, ведь есть же у тебя дома стиральная машина! И никаких дополнительных усилий это не требует, никаких лишних трат и лишнего времени...

– Да, ты прав, – согласилась Ольга.

Почему ее возлюбленный вдруг разозлился из-за подобных пустяков, Ольга не понимала. Хотя, если вспомнить, раньше она делала все именно так, как он просил ее. А тут получается, единственный раз что-то пошло не так, и Георгий показал свой истинный характер?..

Они направились к постели, и Ольга специально решила не «подыгрывать» своему спутнику: «Буду лежать бревном, что он скажет тогда?»

Но все произошло слишком быстро, слишком просто и, вероятно, скучно. Во всяком случае, у Георгия надолго застыло на лице выражение недоумения и растерянности.

Он лежал на спине, закинув одну руку за голову, и таращился в потолок.

– Да что с тобой сегодня такое? – прошептала Ольга и провела ладонью по его плечу.

– Со мной? Это с тобой что-то, – Георгий не выдержал, наконец, зашевелился, повернулся лицом к ней. – Послушай, у меня так мало времени... Редкие минуты наперечет, которые я могу провести с тобой, а ты так безразлична ко мне! Вот что это сейчас было, не понимаю? Этак я мог дома сегодня остаться, сам с собой... Тот же результат получился бы!

– Но все же хорошо...

– Где хорошо? Я уже не мальчишка. Со мной нельзя так!

Раньше Ольга непременно расстроилась бы, почувствовала бы свою вину. Но после разговора с Надей у нее в голове и правда все как-то перевернулось.

– Гоша... ты меня любишь? – прошептала она печально.

– Конечно, люблю!

– А кого больше: жену или меня?

– Оля! – Он в отчаянии сморщился, затем сел рывком. – Вот что ты такое творишь, я не понимаю...

– Куда ты?

– Домой, куда!

Георгий принялся торопливо одеваться, руки у него дрожали.

Ольга не собиралась его останавливать, внутри у нее, там, где сердце, словно заledenело все, холод протянулся до кончиков пальцев. «Все кончено», – подумала она. В первый раз они поссорились с Георгием, и так серьезно.

– Ты совсем уходишь? Ты больше не хочешь меня видеть? – спросила она с тоской.

– Откуда я знаю? Я ничего не знаю, я ни о чем сейчас не могу думать... Господи, детка, вот зачем ты меня мучаешь? Ты с самого начала была в курсе моей ситуации... Ты слышала, что я женат и не могу оставить Варю, и все эти разговоры про то, кого больше люблю, – лишние... Мне больно!

Несколько секунд Ольга сидела неподвижно, словно все еще скованная льдом, но затем словно что-то закипело внутри, лед растаял и из глаз потекли горячие, обжигающие слезы:

– Стой! Гоша, стой! Прости меня! Ну, прости! – Она обнаженная бросилась ему наперерез, обняла.

Георгий пытался оторвать от себя ее руки, Ольга не отпускала его. Наконец, он замер в каком-то неподвижном отчаянии:

– Ты думаешь, у меня так много сил, чтобы терпеть все эти скандалы? Ты забыла, сколько мне лет? Ты хочешь, чтобы я вот прямо тут упал и умер?

– Почему?

– Потому что я веду двойную жизнь, а это нелегко!

– Так ты хочешь бросить меня? – ужаснулась Ольга.

– Нет. Больше всего на свете я хочу, чтобы ничего не менялось. Я люблю тебя, детка, но Варю я тоже бросить не могу, я тебе тысячу раз твердил.

– Знаю, знаю, – успокаивающе произнесла Ольга. Кажется, Георгий тоже потихоньку начал приходить в себя: он вздохнул, потерся подбородком о ее макушку.

– Тогда что это было сейчас?

– Просто я ревную тебя.

– Не надо. Там – уже ничего нет. Все реки пересохли, все озера превратились в болота. Близости нет, мы с Варей просто друзья, мы родители, воспитывающие общего ребенка. Аглае всего шестнадцать – вроде взрослая девушка, да? Но это только на первый взгляд. Она погибнет, если мы с Варей разведемся, ее мир рухнет. Что станет с моей дочерью?! Я не могу так, я заложник своей семьи, ты понимаешь?

– Да, да... Прости меня!..

Они помирились.

Георгий остался, и все то время, что у них оставалось до 15–00, Ольга буквально не отпускала своего возлюбленного из объятий, она не могла на него надышаться.

Потом, в назначенное время, они все-таки покинули съемную квартиру, Георгий сразу ушел, а Ольга дождалась хозяйку, вернула ей ключи.

Пешком отправилась домой по раскаленным от солнца улочкам, отмахиваясь от надоедливому пуха. Первые минуты, пока шла, думала лишь об одном: что больше никогда не позволит себе подобных выходов, не посмеет расстроить Георгия. Она выполнит все его требования, касающиеся съемных квартир, постельного белья и еды. И любви. Но чуть позже едва не расплакалась – уже от жалости к себе. Потом и вовсе из глубины души поднялась волной ненависть – к Варваре.

Вероятно, эта тетка, жена возлюбленного, – очень хитрая особа. Внушила мужу чувство вины и теперь держит его возле себя. Дочь? Ну что дочь?.. Тысячи семей развалились, тысячи родителей развелись, но при этом их дети не сошли с ума, не скатились по наклонной. Дело же ведь не в разводе, а в нормальных отношениях бывших супругов. Если они сохранились, то и развод не становится ни для кого трагедией.

Хотя, возможно, и Варвара тут ни при чем. Это все Аглая – капризная наглая девочка, она играет на отцовских чувствах Георгия.

Ольге вдруг захотелось увидеть Аглаю. И Варвару. Как они на самом деле общаются с Георгием. Наверняка они манипулируют им, помыкают, пользуясь его добротой и преданностью.

Если, например, понаблюдать за ними со стороны, а потом рассказать Георгию, как это все выглядит на самом деле?..

Они же заездили, запугали человека – вплоть до того, что он лишний раз цветы боится купить!

Вот взять того мужичонку, Филиппа. Довольно противный тип, он не пара Наде, конечно, но только познакомился, а уже на все готов, про цветы выспрашивал у Ольги, которые любит ее приятельница...

Интересно, а Георгий знает, какие цветы любит Ольга?

А она любит пионы. Яркие, огромные, пахнущие медовой свежестью...

* * *

У Филиппа не было сердца. Нет, он существовал, этот орган, этот особый мускул, который перекачивал кровь по организму, но это только в анатомическом смысле. Сердца как средоточия добра, любви, сочувствия, ненависти и радости у Филиппа не было. Иначе он давно сошел бы с ума, выдохся, погиб, самоуничтожился.

Филипп ни на что не реагировал. Он не испытывал ни гнева, ни восторга. Он просто делал свое дело, строго соблюдая протокол и предписания. Чтобы никто и никогда не мог к нему придаться и предъявить претензии. Хотя, конечно, придирались – и начальство, и пациенты, – но Филипп и на это тоже старался не реагировать.

Вот взять, например, вызовы. Вызова́, вернее, если на профессиональном сленге. «Скорую» вызывают все кому не лень, с пустячной болячкой и с серьезной проблемой, требующей немедленного реагирования. Вызывают наркоманы, мечтающие о дозе, одинокие старики, которым не с кем поговорить... И что теперь психовать: вот вы, гражданин, могли бы сами ножками дотопать до поликлиники, а вот вы, гражданочка, почему так долго тянули с обращением ко врачу?

Усольцева, напарница Филиппа, строгая дама предпенсионного возраста, иногда пыталась отчитывать пациентов за то, что те столь небрежно относятся к своему здоровью: пьют, курят до такого состояния, когда все системы в организме уже отказывают... Даже поглотить свои симптомы не могут, хотя вот она, информация, в полной доступности. Филипп же никогда этого не делал, он просто коротко извещал больного о существующих проблемах, возможных последствиях и способах их решения.

Первый вызов за смену.

Приехали к женщине тридцати пяти лет, которая жаловалась, что не может встать с кровати. Открыл сосед, пустил работников «Скорой» в комнату болящей.

– На что жалуемся? – спросила Усольцева.

– Ой, доктор, мне так плохо, так плохо!.. – зачастила пациентка.

– А поконкретней? – вступил в разговор Филипп. С первых секунд он понял, почувствовал, что дело тут вовсе не в болезни.

– Доктор, уколите мне диазепамчику! – жалобно произнесла женщина, подтягивая одеяло к подбородку. Зачем-то закрыла глаза...

– Ага, заявочка... – хмыкнула Усольцева. – А морфинчику, случайно, не надо?

– Все ясно, – пожал плечами Филипп. – Будем оформлять ложный вызов?

Второй случай.

«Скорую» вызвали от музея: кому-то в долгой очереди на модную выставку, на солнышке, стало плохо. Подъехали быстро – за двенадцать минут, охранник у ворот указал направление. На скамейке, в тенечке, лежала девушка. Вернее, девочка еще, пятнадцати лет, врачей вызвала ее мать.

– Что случилось? – Усольцева спросила женщину.

– Да вот, три часа в очереди, дочери, Дашеньке, стало плохо... Умоляю, помогите!

Сняли ЭКГ, осмотрели девочку – все оказалось в норме.

– Ничего серьезного, это межреберная невралгия. Конечно, лучше понаблюдать...

– Невралгия? – с облегчением вздохнула женщина.

– Ну конечно, и мне бы не по себе стало, если бы я столько в очереди на солнышке стояла! – с укоризной произнесла Усольцева.

– Нет, но если... А вы не могли бы провести нас в начало очереди, вы же врачи?

– Нет, извините, – пожал плечами Филипп. – Нас другие пациенты ждут. Вон, говорят, на Центральном проспекте новую закусочную открыли, первый день обещали бургеры бесплатно раздавать, так там теперь тоже очередь полкилометра...

Третий вызов: человек сорока пяти лет упал в обморок, некоторое время находился без сознания.

К обморокам отношение двоякое. С одной стороны, вроде ничего особенного, часто молодые люди с вегетососудистой дистонией теряют сознание, совсем уж пожилые люди – с вертебробазилярной недостаточностью... Неприятно, но не смертельно. С другой стороны, обморок – это не очень хорошо, если человеку сорок-пятьдесят лет. Обычно у людей в такие годы организм хорошо адаптирован, и потеря сознания всегда связана с каким-то серьезным заболеванием.

Филипп с Усольцевой быстро (водитель «Скорой» Алимов мчал, сигнализируя из всех сил) добрались до пациента, захватили с собой реанимационный набор, кислородный аппарат, ящик ЭКГ, бегом поднялись на четвертый этаж, поскольку лифта в доме не было.

Пациент уже был в сознании, дышал самостоятельно. Филипп с Усольцевой осмотрели мужчину. Симптомы следующие: сильная боль в верхних отделах поясницы и животе, тошнота, сухость во рту. Живот твердый, вздут. Большая вероятность того, что это разрыв двенадцатиперстной кишки, необходимо немедленно лечить, иначе вот-вот – перитонит. Или он уже начался.

– Госпитализируем, – упаковывая всю аппаратуру, сообщил Филипп. – Срочно.

Женщины: жена, взрослая дочь пациента, пожилая мать – засуетились, бестолково забегали по комнате, собирая вещи.

– Никуда не поеду, – вдруг подал голос мужчина. – Я отчет не сдал. Меня уволят, вы понимаете? Сделайте какой-нибудь укол. А я клянусь, на следующей неделе сам врачам сдамся!

– Может и не быть следующей недели! – возмутилась Усольцева. Переглянулась с напарником. Филипп понял ее взгляд: смерть при таком диагнозе может наступить в течение суток. Очень мучительная смерть...

– Работа не волк – в лес не убежит, – добавил Филипп. – Диагноз серьезный.

– Что вы такое говорите! – ахнула жена пациента. – Вы же на нас буквально страх нагоняете!

– Поехали, а? – вздохнул Филипп.

– Врачи всегда пугают, – вдруг дрожащим голосом пробормотала мать пациента. – Меня все жизнь смертью врачи пугали, а вон, до восьмидесяти дожила...

– Точно, мам. Не поеду, я сказал!

Мужчину уговаривали около двадцати минут – не помогло. Уехали, Филипп перед тем предупредил больного и его родных, что часа через два приедет еще одна «Скорая», такую ситуацию нельзя оставить без контроля.

Четвертый вызов – к пожилой женщине, по поводу сильных болей в животе.

– Алимов, включай сирену!

Пробки. И мало того что пробки, один из водителей на дорогой иномарке («Миллионов десять», – прикинул вслух Алимов) стал нарочно перегораживать дорогу.

– Алимов, давай по соседней улице!

Бригаду «Скорой» встретил немолодой мужчина, отчитал за опоздание:

– Еле тащитесь, тут человек помирает!..

В комнате стонала бабуля.

Посмотрели, поговорили – острый панкреатит, надо ехать в больницу.

В больницу – тоже по пробкам, в приемном покое очередь.

Филипп постарался максимально точно заполнить сопутствующую документацию. Во-первых, от этих записей зависит жизнь человека. Во-вторых, родственники пациента могут подать на врачей в суд, карту вызова будут читать «заинтересованные лица». Даже если суд оправдает врача, то нервов в любом случае придется потратить много.

Очередной вызов.

– Слушай, Филя, я все тебе удивляюсь: ты как танк спокойный, – заметила Усольцева. – Я жду не дождусь, когда на пенсию.

– Ничего, нормально, – улыбнулся Филипп. – На том свете отдохнем.

– Вот именно, с такой работенкой – только на тот свет...

– Анекдот новый слышал. «Алло, «Скорая»? Приезжайте срочно, у меня на диване рогатый кот сидит!» – «А может, у вас „белочка“?» – «Да что я, белочку от кота не могу отличить, что ли?!»

– Ну тебя, Филя, вечно ты хохмишь! – то ли засмеялась, то ли застонала Усольцева.

Когда смена закончилась, Филипп, наконец, смог отправиться домой. Проспал почти полдня, затем сел за руль своего простенького, но вполне надежного авто, поехал в ближайший супермаркет, купил продуктов – и вперед, к родному отцу, отдавать сыновний долг.

Петр Васильевич жил на окраине, почти на самом выезде из города. Неподалеку, за Кольцевой дорогой, находился крупный гипермаркет с довольно дешевым продуктовым отделом, где жители обычно закупались товарами на неделю вперед, но отец туда не ходил, утверждая, что у него кружится голова, когда он ходит по этим огромным торговым центрам. Мелкие магазинчики, что рядом, в соседних домах, отец игнорировал: там цены были «безбожные», по его выражению. Филипп напоминал отцу, что он перечисляет ему алименты, но тот словно не слышал. Еще Филипп предлагал отцу пройти обследование в медцентре, у знакомых и проверенных докторов – Петр Васильевич вежливо отказывался.

В конце концов, Филипп бросил эту борьбу, он понял, что его отец добивается лишь одного: чтобы сын раз в неделю заезжал к нему и привозил продукты.

В случае, если Филипп оказывался не в состоянии завезти продукты вовремя, Петр Васильевич разражался скорбным постом в социальной сети: сил все меньше, не столько физических даже, сколько моральных, а сын забыл о нем, как это печально, когда дети забывают своих родителей!.. К душераздирающему тексту отец добавлял лирические фото, сделанные, надо сказать, с большим профессионализмом: мокрый лист на асфальте, сломанная скамейка, разбитая чашка...

У отца было много друзей в сети. Петр Васильевич обладал талантом писателя и фотографа в полной мере, но почему-то так и не стал ни тем и ни другим. Тексты в своем блоге писал чуть не каждый день – небольшие заметки о жизни, иллюстрированные снимками. Хрустальная прозрачность прозы, тонкие наблюдения и пронзительные фото... Публика была в восхищении, каждый пост Петра Васильевича набирал множество лайков и комментариев. О мужчине говорили, что он живет напряженной духовной жизнью, что он один из последних русских интеллигентов.

Отец никогда и ничего не просил напрямую, но он умел ловко подать тему. Например, начинал свой рассказ с описания дождливого вечера и смеющихся прохожих на улице. Упомянул в следующем абзаце о себе родимом, одиноко гуляющем под дождем (старый зонтик, обувь протекает). Затем коротко сообщал, как по возвращении с прогулки он заварил себе на ужин лапшу быстрого приготовления, потому что ничего в доме нет, но не беда: «Много ли мне надо?...» К пронзительному тексту отец прилагал не менее душераздирающие, многозначительные фото, например, сломанного цветка, обрывка газетной страницы, часов с разбитым циферблатом и т. д. и т. п. И что? Всегда находился какой-нибудь честный и благородный

комментатор, который, прочитав это лирическое эссе, мчался к Петру Васильевичу с мешком продуктов.

Еще отца до сих пор обожали женщины. Их было много, в основном средних лет, но попадались и совсем юные особы. Поскольку и на фото, и в жизни отец поражал своей небрежной импозантностью и благородной, покрытой патиной времени красотой. Густые, с седыми прядями, всклокоченные волосы, правильные черты лица, высокий рост, отличная фигура – ее отец сохранил до своих шестидесяти. Чуть мешковатая одежда, какая-нибудь старая растянутая кофта – трогательно, богемно.

Отец курил (немного, правда), любил выпить, но все в меру. Он был сибаритом: выбирал наслаждение, а не измождение.

Некрасивых женщин он терпеть не мог, хотя общался с ними особенно душевно, принимал помощь, целовал руки, фотографировал, фото размещал в своем журнале с подписью «С милой Сашенькой», «Ритуля, будь всегда!», «Лиза, мой ангел»... Но близко к себе не подпускал, поскольку – эстет, любитель прекрасного.

Женщина должна быть юной, красивой, и не просто красивой, а еще особенной. Гладкая кожа, свежие губы, ясные глаза, густые волосы, никаких депрессивных истеричек и грубоватых пофигисток. Женщина обязана источать *нежность*.

Правда, в последние годы молодые особы уже не бегали за отцом, появлялись больше в сети. Вели с отцом пылкие беседы, иногда пытались встретиться с Петром Васильевичем в реальности, но скоро понимали: перед ними пусть все еще красивый – царственной красотой стареющего патриарха, но нищий человек. И мало того что нищий, но и ко всему прочему готовый лишь получать, а не отдавать.

Иногда Филипп, заскакивая к отцу, заставлял у него женщин – дам средних лет, смущающихся, удивленных и каких-то растерянных, что ли. Филипп их читал, словно открытую книгу. Дамам казалось, что они своим визитом осчастливят прекрасного седовласого принца, но нет, принц оказывался весьма придирчивым, требовал служения себе – и в быту, и в постельных утехах. Иногда, после их ухода, при сыне Петр Васильевич ронял небрежно, словно мимоходом: «А я еще ничего, виагрой пока не пользовался».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.